

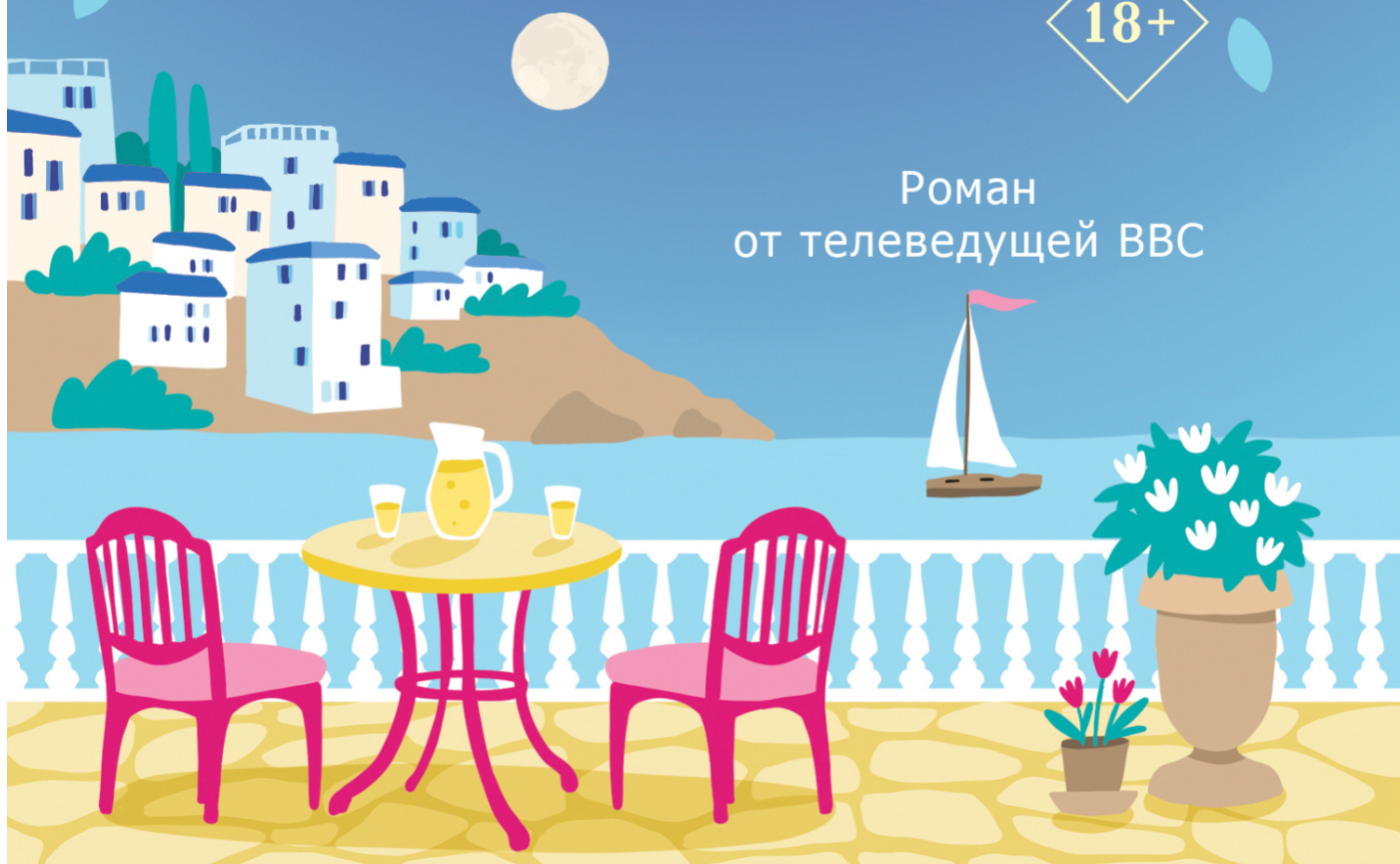
INSPIRIA

Кэрол Кирквуд

Под луной
Трещин

18+

Роман
от телеведущей BBC

INSPIRIA

Сурсаке. Любовь в каждом городе

Кэрол Кирквуд

Под луной Греции

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Кирквуд К.

Под луной Греции / К. Кирквуд — «Эксмо», 2021 — (Сурсаке.
Любовь в каждом городе)

ISBN 978-5-04-198691-9

ДЕБЮТНЫЙ РОМАН ОТ ТЕЛЕВЕДУЩЕЙ ВВС! У знаменитой актрисы Шоны Джексон идеальная жизнь. Слава, богатство, семья. По крайней мере, так кажется со стороны. Но один день меняет все: грандиозный скандал заставляет Шону сбежать в то место, которое изменило ее жизнь двадцать лет назад, на греческий остров. На лазурном берегу среди благоухающих оливковых роцц на поверхность всплывают болезненно манящие воспоминания об одном лете, незабываемом мужчине и большой тайне. Шона Джексон сбежала из Голливуда, но сможет ли она сбежать от своего прошлого? «Изысканная история о потерянной и вновь обретенной любви, полная интригующих персонажей и романтических декораций. Идеальное чтение». — Джуди Маррей «Моя дорогая Красавица! Надежда есть всегда. У нас есть мечты. И помни, свет в наших душах будет гореть еще ярче. Не жди меня...»

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-198691-9

© Кирквуд К., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Пролог	6
Часть первая	7
Глава первая	7
Глава вторая	11
Глава третья	14
Глава четвертая	18
Глава пятая	22
Глава шестая	28
Глава седьмая	34
Глава восьмая	43
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Кэрол Кирквуд Под луной Греции

Carol Kirkwood

UNDER A GREEK MOON

First published by HarperCollinsPublishers 2021 under the title UNDER A GREEK MOON

Copyright © Carol Kirkwood 2021

Translation © Eksmo Publishing 2023, translated under licence from HarperCollinsPublishers Ltd. Carol Kirkwood asserts the moral right to be acknowledged as the author of this work.

Перевод с английского Юлии Бугровой

Иллюстрация на обложке Катерины Киланянц

Во внутреннем оформлении использована иллюстрация:

© Berkah Visual / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

© Бугрова Ю., перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

*Дональду и Стиву,
которые всегда слушали и были рядом*

Пролог

Молодая женщина смотрела на море из комнаты, дававшей хороший обзор главной улочки маленького острова Итос. Со своего наблюдательного пункта она видела суматоху гавани, но жаркое полуденное солнце и толпы отдыхающих, которые прибыли сюда с Крита и Родоса и толпились на узких улочках, ее не донимали.

Скромная комната была обставлена в традиционном греческом стиле: терракотовая плитка на полу, простая кровать, сосновый комод, белоснежные простыни, оконные ставни. Легкий ветерок приподнял тонкую тюлевую занавеску – она упала девушке на плечи, подобно вуали, и снова обмякла.

Внизу вдоль пристани выстроились лодки. Рыбаки перебрасывались приветствиями, двигаясь в ритме, унаследованном от предков. Швартовались, вытягивали сети, перегружали драгоценный груз сардин и скумбрии с судна на берег. Девушка наслаждалась этим зрелищем. Ей казалось, здесь ничего не менялось веками.

Потом она отвернулась от окна, застегнула молнию уже упакованного рюкзака и в последний раз оглядела комнату.

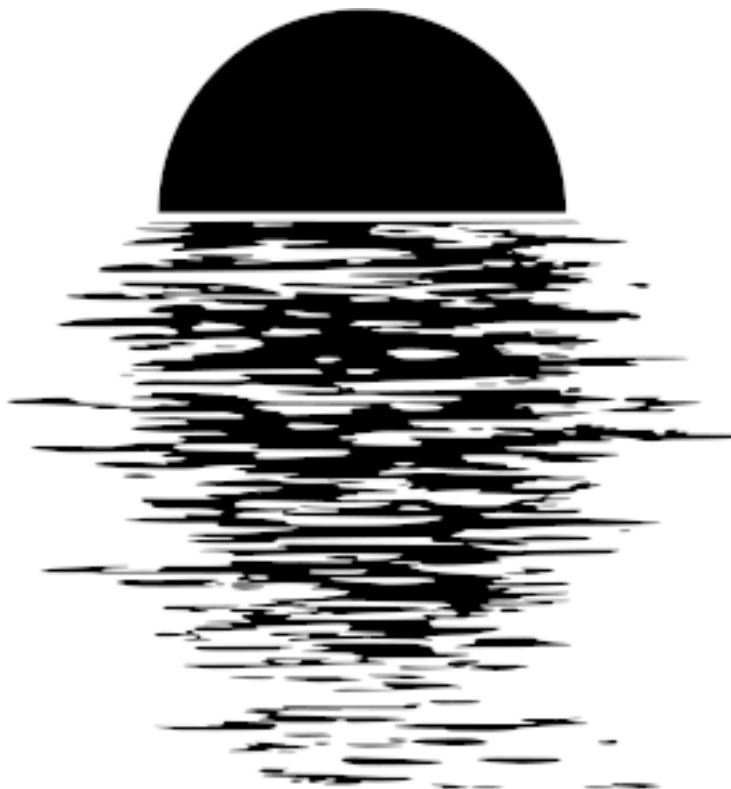
Увидев лежавшую рядом открытку, она взяла ее и перечитала слова, которые знала наизусть:

Надежда есть всегда. У нас есть мечты. Не жди меня...

Она перевернула открытку: на обороте был запечатлен Итос – греческая островная идиллия, вечно меняющаяся и неизменная, с белоснежными пляжами и сапфировым морем, мощными улочками с традиционными домиками и скалистыми холмами в глубине.

Вздыхнув, она положила уже ненужную открытку на комод. Хранить ее дальше не было смысла. Слова врезались ей в память – она никогда их не забудет. На каменной лестнице, ведущей в комнату, послышались шаги. В дверь постучали. Девушка бросила последний взгляд на открытку и повернулась к двери.

Часть первая

Глава первая

Лос-Анджелес, сентябрь 2000 г.

Шона Джексон надела темные очки, хотя в них не было необходимости, потому что ранний утренний свет едва проникал в окна международного аэропорта Лос-Анджелеса. Она посмотрела на часы, ей не терпелось забрать багаж и сесть в лимузин, который отвезет ее домой. «Домой, – подумала она, – сколько противоречивых чувств в этом слове». Она только что прилетела из Ирландии, которая уже много лет не была ее домом, но, как гласит старая поговорка, девушку можно вывезти из Эннискреа...

Порой, как, например, сегодня, она чувствовала себя в Лос-Анджелесе самозванкой. Как будто Шона Джексон, отмеченная наградами актриса, вдова маститого режиссера Дэна Джексона, была мошенницей и в любой момент ее могли лишить «Золотого глобуса» и «Эмми» и турнуть назад в Эннискреа – такой исход, несомненно, обрадовал бы мать.

Она поехала. А вдруг это изморось и туман западного побережья Ирландии пробрали ее до костей или в сердце еще остался осколочек льда, который не могла растопить даже нарастающая жара Калифорнии? Будь здесь отец, он бы поделился с ней своим неиссякаемым оптимизмом. Он бы сказал: «Ну же, Шона, выше нос – радость и счастье под каждым камнем мостовой, нужно лишь приглядеться». Но его рядом не было, а она, при своем богатстве и всех атрибутах славы, не могла отгородиться от унижений и страданий.

О Дэн, ну зачем ты так со мной?

Шона окинула взглядом зону выдачи багажа сквозь солнцезащитные очки «Шанель», желая понять, не узнал ли ее кто-нибудь. Прежде она улыбалась бы и раздавала автографы, но сегодня использовала все ухищрения голливудских мегазвезд, чтобы остаться незамеченной: последней вышла из самолета, ограничилась минимальным багажом, огненно-рыжие волосы спрятала под широкополой шляпой, а зеленые глаза – за темными очками и путешествовала под своей девичьей фамилией, Шона О’Брайен, на случай если после просмотра списка пассажиров кто-нибудь стукнет папарацци. Общения с ними ей хватило до конца дней. Она была потрясена внезапной смертью мужа, а теперь еще фотографии донимали ее, впав в массовый психоз из-за известия о том, что он ей изменял и прижил сына от другой женщины. И как будто самой утраты было мало, ей пришлось мириться с тем, что любовница продает свою историю направо и налево, предавая огласке все грязные секреты. Жизнь Шоны превратилась в нескончаемый кошмар.

А в Ирландии все оказалось еще хуже...

Когда она вышла из самолета в аэропорту Шэннон, ощущение было такое, что время остановилось. Ни папарацци, притаившихся в засаде, ни любопытных взглядов вслед. Таксист, который вез ее в опрятный белый коттедж родителей, болтал всю дорогу, не подозревая о том, что пассажирка – знаменитость. Как будто она снова стала Шоной О’Брайен и никогда не покидала Эннискреа.

И волна недовольства, когда она вместе с чемоданами переступила порог, тоже была как в старые добрые времена. Она знала, что мать будет крайне раздосадована тем, что она явилась без предупреждения, но это был единственный способ заставить ее врасплох и получить ответы.

– Ты ненадолго?

– Если это проблема, мамочка, я всегда могу поехать в отель.

– Я не говорила, что это проблема, – фыркнула мать. – Просто я не ждала тебя.

– Твое письмо меня встревожило. Я полетела первым же рейсом.

– Что ж, папа будет рад тебя видеть.

Судя по тону, матери было все равно.

– Что с ним? – Шона понизила голос на случай, если папа был где-то в пределах слышимости, хотя тогда он наверняка подошел бы к двери, чтобы поздороваться. – Из твоего письма у меня сложилось впечатление, что дело серьезное. Я теряюсь в догадках и вся извелась. Почему ты всегда напускаешь такого тумана?

Шона знала почему: это была форма контроля, способ обуздать обмен информацией между дочерью и мужем.

– Я полагала, у тебя и так забот хватает, с этим скандалом во всех новостях. – Губы матери скривились, от уголков рта побежали морщины, похожие на кожицу чернослива. – Как эта особа вообще посмела объявиться, и где – на поминках! Я не могу отделаться от мысли, какое же это благо, что у вас нет детей. Какой позор... Что, должно быть, подумал священник, увидев бумаги? Я надеюсь, ты извинилась перед ним. А твой муж... Я с трудом смотрела в глаза отцу Шону. Останься ты в Эннискреа, этого бы не случилось.

Шона знала, что спорить бессмысленно.

– Где папа?

– Он прилег. Скоро проснется. Я поставлю чайник, а ты пока приведи себя в порядок.

Шона знала, что ответов от матери можно не ждать, пока она не будет готова, и потому потащила чемоданы по узкой лестнице в свою старую мансардную комнату, откуда вдалеке виднелось море. Это был не тот панорамный вид на восходы и закаты Тихого океана, какой бывает в Калифорнии, но все же от видов Эннискреа, где ливни и солнечный свет, мешаясь, расцвечивали небо радугой, и не одной, а сразу двумя или тремя, захватывало дух. В детстве она могла любоваться ими бесконечно и звала папу, чтобы тот пришел посмотреть. Ей вспом-

нилось, как он качал ее на коленях и рассказывал истории о лепреконах – озорных человечках, которые прячут горшочки с золотом у конца радуги, где их никто никогда не найдет.

– А для счастья, конечно же, не нужны ни радуги, ни горшочки с золотом, – говорил он ей.

Шона отвернулась от окна, ее глаза были затуманены слезами. В такси по дороге сюда она крепилась духом, готовя себя к любым новостям, которые утаивала мать, но здесь, окруженная детскими воспоминаниями, она, похоже, утратила всю свою решимость. Вместо того чтобы идти вниз, она стояла, оглядывая маленькую спальню под крышей. Казалось, все тут осталось почти таким же, как в детстве. Старая одежда исчезла из шкафов и ящиков, но ее любимые романы и школьные тетради по-прежнему теснились на полках. Шона открыла шкаф, и при виде драгоценной коллекции старых выпусков «Фотоплей» ее глаза загорелись. В то время как девочки ее возраста зачитывались «Джеки» и «Семнадцать», чьи страницы пестрели фотографиями Дэвида Кэссиди и Дэвида Соула, Шона тратила скудные карманные деньги на старые издания библии киноманов, предпочитая упиваться голливудскими сплетнями минувших дней. Она потянулась, вынула наугад журнал из стопки и, взглянув в фотографию, бессознательно скопировала всеамериканскую улыбку Грейс Келли, запечатленную на обложке выпуска 1956 года. Полистав пожелтевшие, потрепанные страницы, она снова перечитала «Нерассказанную историю» Грейс. Все было так, как ей помнилось: никаких откровений, только стандартная биографическая информация на момент выпуска и фото из «Высшего общества», в котором она снималась с Бингом Кросби.

Голливудская легенда, ставшая княгиней, всегда была кумиром Шоны. Подростком она ненавидела свою рыжую шевелюру, мечтала быть блондинкой и такой же красавицей, как Грейс. Шоне потребовались годы, чтобы принять свою внешность, несмотря на то что Дэн называл ее «праерафаэлитской дриадой» и убеждал не осветлять волосы. По иронии судьбы, после того как она вернулась к своему естественному цвету и природной бледности, понимая, что это выделяет ее среди перманентных загаров и подтяжек Лос-Анджелеса, Дэн изменил ей.

Шона поморщилась. Она решила больше не мучить себя воспоминаниями о муже. Вместо этого она мысленно сосредоточилась на своем кумире и том вечере, когда они встретились. Воспоминание запечатлелось в ее сознании – грациозное рукопожатие, очаровательная улыбка. Тем вечером было еще много всего, что навсегда врезалось ей в память. Обещание. Нежность. Мечта, которой не дано стать явью. «Ты ни на кого не похожа, Шона...»

Вот если бы Грейс была жива и у них была возможность узнать друг друга лучше, какой совет она дала бы Шоне в ее нынешней ситуации? «Улыбайтесь и делайте вид, будто вам все равно, дорогая».

Совет хороший, но невыполнимый. Особенно учитывая, что внизу ждала мать с известием, ради которого Шона проделала весь этот путь. Теперь эта перспектива внушала ей такой ужас, что хотелось убежать или спрятаться, как будто до тех пор, пока правда о состоянии папы будет оставаться несказанной, она не будет реальной и можно представлять его таким, каким он был раньше.

Готовясь спуститься вниз, Шона взяла себя в руки, снова накрутила волосы и после этого закрыла дверь комнаты, где хранились ее старые вещи и юношеские мечты.

В день, когда хоронили отца, погода была типично ирландской – смесь солнца и дождя. Прощальная речь патера Брендана была проникнута мягким юмором и теплом, как то и полагается на панихиде по давнему прихожанину. Церковь была битком набита его старыми друзьями и коллегами, местными знакомыми и случайными людьми, которых никто никогда не узнаёт, но они появляются на всех похоронах в приходе обычно ради последующего бесплатного чая и бутербродов.

Когда отца опустили в могилу, мать, рыдая, прильнула к Шоне, вся ее внешняя раздражительность разом исчезла. Подыскивая слова утешения, Шона чувствовала себя ребенком,

вынужденным играть роль взрослого. Она была в полной растерянности и отчаянно нуждалась в том, чтобы ее сильная и бескомпромиссная мать взяла инициативу на себя, вместо того чтобы искать поддержки у нее.

У могилы Шона прочитала отрывок из любимого отцовского стихотворения «Он жаждет небесного плаща» У. Б. Йейтса. Когда она дошла до строчки «Ступай по ним легко, мои ты топчешь грезы», ее голос дрогнул – в памяти возник музыкальный голос отца, когда он читал ей это в детстве. Шона мобилизовала все свои актерские способности и молилась о том, чтобы строка прозвучала достойно. Когда в небе вспыхнула радуга, она восприняла это как подтверждение того, что отец был доволен.

* * *

Когда лимузин съехал с автострады и свернул на Норт-Ноул-драйв, мысли Шоны резко вернулись к настоящему. Ее квартира в пентхаусе находилась не в самой престижной части Беверли-Хиллз, но она купила ее на гонорар за первый голливудский фильм «Только самые смелые». Роль жены ветерана Вьетнама, страдающего параличом нижних конечностей, принесла ей номинацию на «Эмми» за лучшую женскую роль второго плана и дала толчок карьере. Возможно, поэтому квартира имела для нее сентиментальную ценность и она не захотела расстаться с ней даже после того, как они с Дэном переехали в растянувшийся вдоль побережья особняк в Малибу. Шона оправдывала это тем, что из квартиры удобнее добираться до студий, но на самом деле ей нравилось иметь убежище, в котором она могла укрыться, – то, что Вирджиния Вульф называла «своей комнатой».

Когда Шона вышла из лимузина и оказалась в вестибюле, она сразу почувствовала себя спокойнее и собраннее. Да, сейчас это был дом, и как хорошо было сюда вернуться.

Глава вторая

– Шона, ты дома!

После сна с восемнадцатичасовым джетлагом Шона вышла на балкон, спасаясь от настойчиво мигающего индикатора автоответчика. Не успела она окинуть взглядом холмы Западного Голливуда, как к дому подъехал красный «Кадиллак» с открытым верхом, с пассажирского сиденья которого энергично махала рукой Рокси Леннон, ее самая давняя и лучшая подруга. Несколько минут спустя она взбежала по лестнице и оказалась у двери.

Рокси, чей рост в туфлях «Джимми Чу» составлял метр восемьдесят, возвышалась над Шоной, которая была босой и одета просто – в джинсы «Ливайс» и бейсбольную майку с логотипом «Нью-Йорк Янкис». Шона обходилась минимумом косметики, а подруга, как обычно, предпочла более вампирский образ: всклокоченные черные «шпы» были шедевром парикмахерского шика, толстая черная подводка подчеркивала карие глаза, а на губах, сейчас растянутых в счастливой улыбке, была алая помада. В брюках из красного тартана и потрепанной байкерской куртке, она выглядела просто сокрушительно.

– Шона!

Рокси долго и крепко обнимала подругу, а затем отступила и окинула ее внимательным взглядом. Когда-то она говорила с сильным ливерпульским акцентом, но теперь он смягчился калифорнийским выговором.

– Все так плохо, да?

Плечи Шоны поникли.

– Слава богу, ты здесь. Такое ощущение, точно я сошла с ума.

– Брось! Ты самый нормальный человек, которого я знаю.

– Уже нет. Кто это в «Кадиллаке»?

Рокси игриво подмигнула, взяла ее за руку и повела на балкон. С водительского сиденья на них поднял глаза красивый смуглый молодой человек, который выглядел вдвое моложе Рокси.

– Это Марко. Красавчик, да?

Марко дружески помахал в ответ, и Рокси послала ему воздушный поцелуй.

– Он был одной из моих моделей на Неделе моды в Милане. По-английски говорит плохо, зато разбирается в дорожных указателях, если ты понимаешь, о чем я.

Она выразительно повела бровями.

– А что случилось с тем молодым дизайнером, которого ты продвигала? По твоим словам, он тебя обожал и не мог без тебя жить?

Рокси нахмурилась.

– Джейсон Тернер? Слишком много о себе возомнил – захотел, чтобы я сделала ему новый лейбл. Я бы расстаралась, но застучала его, когда он трахал стажерку. Тогда я сказала, чтобы валил на фиг и делал лейбл на собственные деньги.

– Черт, мне жаль.

Несмотря на внешнюю браваду, чувства подруги были явно задеты. Рокси небрежно отмахнулась.

– Таких, как он, – пруд пруди, но у Марко этот номер не пройдет: через пару недель он возвращается в университет, так что времени у нас в обрез, и мы используем его по максимуму, – она озорно усмехнулась. – Ладно, хватит обо мне. Пора нам поговорить, и мне нужно выпить.

– Сухой мартини?

– Ты меня знаешь как никто.

– Вот это я понимаю – прием, – сказала Рокси, когда они уселись в кресла в испанском колониальном стиле, из которых открывался отличный вид. Она со стуком опустила шпильки на низкий столик, сделала глоток вязкой прозрачной жидкости, выудила оливку и сунула ее в рот. – Божественный вкус. Ну, давай, выкладывай.

– А это нормально, что Марко сидит в машине? Может, пригласить его присоединиться к нам?

– Не уходи от темы. Марко в порядке – он слушает саундтрек к следующему шоу Ральфа Лорена. У него показ в Париже. – Она сделала еще глоток, внимательно наблюдая за Шоной. – Ну, как ты? Как дела в Ирландии?

Шона уставилась на виски «Макдоналдс», покрутила бокал, но пить не стала.

– Папы больше нет. На прошлой неделе похоронили.

– О, моя дорогая! – Рокси тут же вскочила с кресла и, присев на корточки рядом с Шоной, крепко обняла ее. – Почему ты мне не позвонила? Ты же знаешь, я бы все бросила и примчалась.

Наконец-то оказавшись рядом с подругой, которой она могла излить душу, Шона не нашла слов. Пока она рыдала, Рокси обнимала ее и успокаивала.

– Бедняжка, ну и дерьмовый год у тебя выдался. Как будто того, что пришлось пережить из-за Дэна, оказалось мало.

– Меня просто убивает, что папа незадолго до смерти услышал обо всем этом. Он любил Дэна, должно быть, это разбило ему сердце.

– Тебя он любил больше, ты была его принцессой. Будь у него сил побольше, он бы послал Дэна на все четыре стороны.

Шона поморщилась.

– Прости, дорогая.

– Все в порядке, может, ты и права. Мне просто хочется, чтобы мама не поднимала эту тему. Она все время напоминала мне о том, как сильно я их подвела.

– Господи, да ладно тебе! Две «Эмми», множество наград за сериалы и фильмы, а денег столько, что ей во сне не снилось – на них ты, в частности, купила дом, в котором она живет, и машину, на которой ездит! И твоя мать до сих пор не в состоянии признать, что ты – воплощение успеха? Порой мне кажется, она предпочла бы, чтобы ты выучилась на бухгалтера, вернулась домой и занималась скучной работенкой в Голуэе.

Шона издала смешок, но тут же снова заплакала.

– Тебе когда-нибудь хотелось повернуть время вспять? Вернуться в студенческие годы, когда все только начиналось?

– И жить в общежитии в Манчестере? – Рокси иронически вскинула брови. – Боже, кажется, что это было сто лет назад, да? Но в глубине души мы все те же, верно?

Шона задумчиво посмотрела вдаль, где за крышами Лос-Анджелеса виднелась Санта-Моника, и грустно покачала головой.

– За последнюю пару месяцев я изменилась, Рокси. Я не думаю, что когда-нибудь снова стану прежней.

Она отчаянно старалась не раскисать, но всего навалилось слишком много, и потому она крепко зажмурила глаза, чтобы слезы не текли, но не могла их сдержать.

Рокси крепко сжала ее руку.

– Эй, ты прорвешься, слышишь меня? Бывало и похуже.

Шона снова покачала головой.

– Я пообещала себе, что мне никогда больше не будет так больно после...

– Эй, мы тогда преодолели и сейчас прорвемся. Ты не наивная девятнадцатилетняя девушка, чей мир вот-вот развалится из-за того, что ее кинули. Да, Дэн поступил как скотина, но он тебя любил, это несомненно. А мерзкую жадную сучку, которая в него вцепилась, выброси

из головы – для Дэна она ничего не значила. Ты же знаешь, как бывает: страдаешь, учишься и двигаешься дальше – так мы всегда делали.

– Думаешь, я действительно могу после всего этого двинуться дальше? Считаешь, после того лета в Греции у нас это получилось? Нет, что бы мы ни делали, это навсегда останется с нами.

Рокси кивнула, но позиции не сдала.

– Я не говорю, что тебе следует забыть о случившемся, – это не в твоём характере. Фокус в том, чтобы не дать этому съесть себя целиком.

Шона глубоко вздохнула, а затем залпом выпила бокал с виски.

– Эй, ты полегче.

– Не мешай, мне так нужно. – Шона глубоко вздохнула. – Слушай, Рокси, я знаю, что ты права и нужно двигаться дальше. Но я не знаю как. Я имею в виду, что меня ждет дальше?

– А мы сделаем вот как: будем двигаться маленькими шажками. Прямо сейчас тебе нужно сосредоточиться на том, как следующие несколько недель отражать натиск прессы и светской хроники. И помни старую поговорку: сегодняшняя новость забудется завтра. Ты все переживешь, выше голову. – Она помолчала. – И тогда, может быть, нам удастся истребить одного-двух демонов.

– У меня их немало.

– У меня тоже. И мы перебьем их по одному.

Шона кивнула, но ее зеленые глаза смотрели растерянно.

– Мы с тобой против всего мира?

– Вот именно! Как прежде, только на этот раз у нас прикид получше.

Шона невольно улыбнулась, воодушевленная безграничной силой и уверенностью Рокси.

– И ты должна снова включиться в работу, мы не допустим, чтобы какая-то подлая мерзавка лишила тебя самых колоритных ролей, когда все лучшие режиссеры отдали бы правую руку, чтобы получить тебя в свой фильм. А потом... – Рокси посмотрела подруге в глаза, – может, тебе пора вернуться...

– Куда? – спросила Шона, но ее сердце уже знало ответ.

Глава третья

Монако, июнь 1982 г.

Восхитительное средиземноморское солнце согрело плечи, уже покрытые крошечными веснушками, и при мысли о доме Шона улыбнулась. Лето здесь было намного приятнее, чем на западном побережье Ирландии. Папа был бы доволен тем, что она наслаждается жизнью, а вот за маму она бы не поручилась. Мать совершенно ясно дала понять, что на каникулах дочери следует заниматься учебой, а не «шляться». Шона задавалась вопросом, а способна ли вообще ее мать радоваться жизни – настолько сильно та стремилась лишиться удовольствий всех вокруг. Она отмахнулась от этой мысли, решив не портить момент. Вот она наконец там, куда мечтала попасть с тех пор, как в детстве посмотрела по старенькому телевизору «Высшее общество» и была очарована манерами и красотой Грейс Келли.

Шона окинула взглядом расположенный на скале Монако-Вилль, выискивая известные достопримечательности: Океанографический музей, княжеский дворец, Дворец правосудия и собор. Монако было таким прекрасным, как ей представлялось, и от одной мысли о том, что на следующем углу она может мельком увидеть саму княгиню Грейс, захватывало дух. Отсюда просматривались белокаменные башенки дворца и терракотовая черепица крыш. Неужели там, за этими холодными каменными стенами, была княгиня? Два дня назад Шона совершила паломничество во дворец и выяснила, что в настоящее время августейшее семейство находится в резиденции. Ей даже удалось вытащить Рокси под предлогом того, что они могут столкнуться с молодым плейбоем, князем Альбертом.

Радостно вздохнув, Шона оперлась на перила. Впереди было все лето. Просыпаться солнечным утром и не бояться забыть кардиган или плащ – это было похоже на чудо. А носить шлепанцы изо дня в день – какое же это блаженство.

Она натерпелась ужаса, пробираясь в ботанический сад с туристической группой, прибывшей на автобусе, но открывавшийся отсюда захватывающий вид того стоил. Сколько раз ей придется прочитать «Аве, Мария» в покаяние за то, что проникла без билета? Но Бог ведь не рассердится на нее за то, что она любуется этой залитой солнцем панорамой?

Здесьняя атмосфера опьяняла. Кругом, куда ни посмотри, было богатство и роскошь. Шона никогда не видела ничего подобного и, как зачарованная, разглядывала сидящих в кафе и ресторанах гавани красивых людей в потрясающей дизайнерской одежде и со вкусом подобранными дорогими украшениями. Она завидовала гламурным женам, которых сопровождали внимательные мужья в белых брюках и темно-синих эспадрильях, а на спинках их стульев висели блейзеры от Армани. Все, казалось, обедали дарами моря и потягивали красное кампари со льдом. Ей хотелось быть одной из них.

Прискорбный факт состоял в том, что с начала их путешествия прошло всего десять дней, а франки стремительно убывали. В Монако все было очень дорого. Теперь она понимала, почему его называли раем для богатых и знаменитых. Простым смертным, как она, чей бюджет был ограничен, здесь было не место. Они с Рокси сэкономили изо всех сил: автостопом добрались до Дувра, а потом до Парижа, но на паром, а также на еду, проживание и проезд на автобусе до Монако пришлось раскошелиться. Рокси, при всем своем умении строить грандиозные планы и ливерпульском нахальстве, оказалась порядочной растяпой и даже умудрилась забыть их палатку на автозаправке. Но благодаря ее обходительности и пронырству они добрались до Монако, всю дорогу смеясь и наслаждаясь свободой. Сейчас они обитали в мансарде полуразрушенного хостела недалеко от улицы Бель-Респиро, но скоро даже эта конура им будем не по карману. Если они не найдут способ заработать денег, катастрофы не миновать.

Шона вздохнула, вспомнив утренний разговор с Рокси...

– Ой, башка раскалывается.

Рокси Леннон снова укрылась с головой, хотя был уже почти полдень. Ее черные волосы стояли дыбом, а вокруг покрасневших глаз виднелись следы вчерашней подводки.

– Поделом тебе за то, что шлялась до утра, а потом не давала мне уснуть разговорами о Тьерри.

– Тьерри, Тьерри. Тьерри. О, Шона, он такой классный. Как греческий бог – Зевс или Аполлон? Типа тех чуваков на облаках на картинах эпохи Возрождения. А как целуется... Сногшибательно.

– А может, он своей божественной силой поможет нам найти работу, а?

– Работу? – Растрепанная голова подруги появилась снова, нос был презрительно сморщен. – Вот зачем ты все портишь?

Шона ухмыльнулась.

– Иначе не получается. И потом, тебе не кажется, что он немного староват для тебя? Ему, должно быть, не меньше сорока.

– Дорогая, – Рокси выразительно закатила глаза, – знала бы ты, сколько преимуществ в знакомстве с опытным мужчиной.

И похлопала ресницами.

Шона рассмеялась и швырнула в нее полотенце.

– Поспрашиваю насчет работы в ресторанчике на углу. У них в окне выставлена табличка. И в отелях рядом с вокзалом.

Рокси высунула из-под белоснежной простыни золотисто-коричневые ноги и хотела вскочить с кровати, но тут же рухнула обратно с похмельным синдромом.

– О боже, кажется, я умираю! Принеси мне круассан или багет... и термоядерный кофе, который здесь все пьют, – простонала она, прикрывая глаза рукой.

– Багет на двоих – это все, что мы можем себе позволить!

Шона сунула ноги в шлепанцы и схватила холщовую сумку.

Сердиться на Рокси было невозможно. Утро замечательное, они вообще-то в Монако, и в крайнем случае всегда можно спать на пляже. Они с Рокси познакомилась в октябре прошлого года, оказавшись соседками в одном из общежитий университета. С первого взгляда Рокси – в коротюсеньких джинсовых шортах поверх полосатых колготок, в замызганной футболке с вырезом на груди, из которого выглядывал черный лифчик, с густо подведенными глазами и кроваво-красной помадой – показалась Шоне воплощением крутости. По сравнению с ней она, в простом шерстяном джемпере и джинсах «Дебехэмс», чувствовала себя робкой деревенской мышью.

– Меня зовут Рокси.

Она объяснила, что учится на дизайнера.

– Однажды я стану знаменитой, – сообщила она как бы между прочим. – Все великие дизайнеры – отличные портные, поэтому я обязательно приобрету нужные навыки. А ты кем будешь?

Шона помедлила, прежде чем ответить:

– Я собираюсь стать бухгалтером.

Рокси подняла голову над битком набитым чемоданом, который распаковывала, помолчала, глядя на соседку широко раскрытыми от удивления глазами, а потом расхохоталась.

– Ты чего смеешься?

– Ты – бухгалтер? Сроду не подумала бы.

– Что ты имеешь в виду?

Шона тоже рассмеялась.

– С такими рыжими волосами и зелеными глазами ты похожа на картину Рубенса. Тебе нужно быть моделью, или кинозвездой, или кем-то в этом роде, а никак не бухгалтером.

Вскоре Шона пришла к выводу, что подруга была права. Корпя весь день над числами, она не могла отделаться от ощущения, что что-то упускает. К счастью, она стала импровизированной моделью для многих творений Рокси, и в ее гардеробе уменьшилось «Маркса энд Спенсера» и появилось больше «Вивьен Вествуд». Сейчас в Монако она чувствовала, как раскрывается ее истинное «я». Ей казалось, она стоит на пороге чего-то захватывающего.

Глядя на яхты, пришвартованные в порту «Геркулес», Шона покачала головой. Может быть, этот внутренний трепет был навеян ощущением праздника и чувством свободы, возникшим вдали от унылого старого Манчестера?

Если они не найдут работу в ближайшее время, придется возвращаться домой, прежде чем путешествие толком начнется, и той уверенности, какая была сегодня утром, Шона уже не ощущала. Она побывала в гостиницах у вокзала и вдоль железной дороги, где было дешевле, и выяснила, что персонал почти не говорит по-английски, или, по крайней мере, они делали такой вид. Судя по всему, ее скудный французский их не впечатлил. Поняв, что она ищет работу, а не комнату, они качали головами и отмахивались. Ее привычный позитивный настрой ослаб, но она не считала себя побежденной и пришла в сад, чтобы перестроить стратегию.

Подняв сумку, она двинулась по тропинке вниз с холма, вышла из сада и спустилась к порту «Геркулес». Яхты, чьи размеры нередко превышали дом, в котором она выросла, поражали воображение. Выстроившись вдоль понтонов, они манили взгляд, открывая доступ в мир богачей. Женщины с идеальными фигурами в крошечных бикини, которые, должно быть, стоили целое состояние, несмотря на мизерное количество ткани, перемещались с палубы на палубу. Они были явно осведомлены о своем привилегированном положении и щеголяли им, держа в руках хрустальные бокалы с шампанским, которые блестели, как бриллианты на солнце. На задних палубах гости в воздушных палантинах и дизайнерских футболках закусывали, обслуживаемые персоналом в белоснежной или темно-синей униформе. Это был другой мир, который Шоне представлялся невероятно утонченным и притягательным. Такие яхты она видела в фильмах и журналах.

Она обошла оживленную рыночную площадь. При виде красочных прилавков, заваленных ярко-красными спелыми помидорами, глянцевою зеленью салата и сливочно-желтым многообразием сыров, ее желудок заурчал. Накануне она обратила внимание на то, что фрукты с изъянами торговцы отправляют в отбросы, и с самым небрежным видом направилась по проходу позади прилавков к такому сломанному деревянному ящику. Украдкой поглядев по сторонам и убедившись, что никто не смотрит, Шона схватила пару сильно помятых апельсинов и несколько яблок, раздавленных с одной стороны. Торговцам вряд ли удастся их продать, а она за милую душу съест хорошие половинки. Дома никогда ничего не выбрасывали. Сунув добычу в пакетик, который лежал в холщовой сумке, Шона двинулась дальше вдоль прилавков и уже собиралась подобрать довольно потрепанный кочан салата, когда над ее ухом кто-то протяжно произнес:

– Tu as faim?¹

Она испуганно подняла глаза и с улыбкой пожала плечами, мобилизуя свои школьные познания во французском:

– Un peu².

Привлекательная темноволосая женщина смотрела на Шону с веселым любопытством во взгляде.

---

¹ Ты голодна? (франц.)

² Немного (франц.).

– Я не делаю ничего плохого. – Она вздернула подбородок, решив не отказываться от обеда из-за чувства ложного стыда. – Это отбросы.

Женщина окинула ее оценивающим взглядом и заговорила по-английски:

– Ты не похожа на нищенку.

– Я нет... просто у меня финансовые затруднения, вот и все... Я ищу работу.

– Среди отбросов?

Шона пожала плечами и криво усмехнулась.

– И какую работу ты ищешь?

– Любую, – сказала Шона. – Я трудолюбивая. Я учусь в университете и работала в баре и горничной, и умею... – Что же она умеет? – Я умею убирать, чистить картошку и печатать... немного.

– А на яхте случалось работать?

Шона раскрыла глаза и помотала головой.

– Нет, но я быстро учусь.

– Как тебя зовут?

– Шона О'Брайен. Я из Ирландии. Из графства Голуэй.

Женщина улыбнулась и похлопала по своей доверху набитой корзине.

– Я Шантель, шеф-повар на яхте «Святая Елена». Сегодня утром у нас сбежал член экипажа, и теперь не хватает рук. – Женщина сделала паузу, пристально разглядывая Шону с головы до ног. – Мне нравится твое лицо, ты вызываешь доверие. – Она улыбнулась. – Если хочешь, пойдём со мной, я устрою тебе собеседование с боссом.

– Правда?

Шона не верила своему счастью.

– Но больше ничем помочь не смогу. Решать будет он.

Она указала на корзину и две сумки у своих ног.

– Мне и с покупками помощь не помешала бы. *Viens*³.

Шона тут же подхватила сумки.

– Да, мэм.

Может быть, добрый Боженька все-таки присматривал за ней. За это, без сомнения, ей следовало благодарить маму.

---

³ Пойдем (*франц.*).

Глава четвертая

Шантель ловко прыгнула на борт, поставила корзину и потянулась за сумками. Шона, обмирая и боясь произнести хоть слово, протянула их. Это была не яхта, а плавучий дворец. Практически круизный лайнер.

– Allons⁴, – Шантель преодолела крошечную лесенку и кивнула в сторону трапа. – Это совершенно безопасно.

Шона шагнула вперед, все еще не в силах поверить, что находится на борту яхты в порту «Геркулес» в Монако. Ей не терпелось рассказать об этом Рокси.

– Подожди здесь минутку.

– Хорошо.

Она огляделась и внезапно занервничала. По обеим сторонам шли ступеньки, ведущие на верхние палубы. Перед ней была тенистая зона отдыха с широкими белыми кожаными креслами, обшитыми по краю нарядной темно-синей окантовкой и расставленными вокруг низкого стеклянного столика. Она сразу представила, как ранним вечером здесь собираются гламурные пассажиры в шикарных нарядах, потягивают перед ужином коктейли, а потом сходят на берег и отправляются в один из многочисленных дорогих ресторанов на набережной.

Позади был светлый просторный салон, такой огромный, что она невольно моргнула. Солнечный свет струился сквозь громадные окна по обеим сторонам, освещая полдюжины плюшевых диванов, перемежавшихся глянцевыми деревянными столиками, на которых в идеальном порядке стояли светильники с тяжелыми основаниями. «Сколько человек могут путешествовать на такой яхте? – подумалось ей. – И кто может позволить себе такое судно?» В гавани было много больших яхт, но эта, пожалуй, была самая большая и шикарная.

Сейчас Шоне стало совсем не по себе. Подобный образ жизни и люди, которые его вели, были ей внове. Она косилась в сторону трапа, думая сбежать, прежде чем Шантель вернется с боссом, и тут послышались приближающиеся голоса и легкие шаги. Шона выпрямилась и вздернула подбородок в надежде произвести хорошее впечатление.

На лестнице справа появилась стройная девушка, глубокий золотистый загар оттенял ее платиновые волосы. У нее было крошечное бикини, не дававшее простор воображению, и самые длинные бронзовые ноги – таких Шона никогда не видела. Девушка держалась с естественной уверенностью человека, знающего о том, что весь мир лежит перед ним. Она повернула голову, смеясь мужчине, который остановился на верхней ступеньке, и Шона увидела пару крепких, загорелых, мускулистых ног.

– Пошли, Деметриос. Они вечность будут копать. А мы пойдем прямо сейчас.

– Нормандия, ты всегда такая нетерпеливая, – упрекнул голос, бархатистый и густой, как патока.

От этого низкого тембра у Шоны побежали мурашки по коже, а может быть, в тени после солнышка ей просто стало прохладно.

Девушка спустилась по лестнице и, не оглядываясь, промчалась мимо Шоны. Ее модные сандалии цокали по деревянному настилу.

Теперь в поле зрения Шоны попала широкая грудь под расстегнутой белой льняной рубашкой, небрежно заправленной в шорты. Во рту разом пересохло. Прежде ей не случалось так близко видеть полубнаженного мужчину, тем более столь хорошо сложенного, как этот.

Она не успела пошевелиться, и тут он заметил ее.

– А кто это у нас здесь? – поинтересовался он, его ореховые глаза искрились весельем.

– Э-э... Я жду встречи с... встречи с...

---

⁴ Идем (франц.).

Господи, у нее совсем вылетело из головы, с кем ей предстоит встретиться!

– О, да ты стесняешься? – поддразнил он.

На его щетинистой щеке, переходящей в крепкую челюсть, неожиданно появилась ямочка, а во взгляде, осматривавшем ее с головы до ног, не было ни намек на деликатность. Заметив на его чувственных губах кривую бесстыжую ухмылку, Шона почувствовала, что заливается румянцем. В мужчине было что-то настолько откровенно сексуальное, что она казалась себе маленькой и глупой.

– А, сэр. Извините. – Рядом с ней возник слегка запыхавшийся молодой человек в форме. – Мы ищем замену девушке, которая ушла сегодня утром, и проводим собеседование.

– Эта явно будет получше. – Рот скривился в другую сторону, взгляд переместился ей на лицо. – В отличие от своей предшественницы, она появилась вовремя.

Прежде чем Шона успела осмыслить сказанное, ее провели на нижнюю палубу в большой камбуз без окон, где Шантель готовила салат.

– Садись, – сказала она, открывая огромный холодильник, до отказа набитый едой.

Мужчина скользнул на сиденье напротив.

– Здравствуй, Шона, и добро пожаловать на борт «Святой Елены». Я Джереми Прайор, старший стюард. Шантель сказала, ты ищешь работу. Что ты умеешь делать?

Шона повторила то, что ранее говорила Шантель.

– Мы ищем девушку, которая будет работать на камбузе, заправлять кровати, убираться в ваннах, подавать еду – словом, заниматься всем понемногу. Трудолюбивую, вежливую и исполнительную, которая будет обслуживать гостей на борту. Тебе также придется быстро привыкнуть к манерам молодого Деметриоса. – Старший стюард рассмеялся. – Я видел, как ты на него смотрела. Он любит пялиться на девушек и делает это в открытую, но дальше этого дело не заходит. – Он посмотрел на Шону в упор. – На этот счет у нас строгие правила.

Шона кивнула, в то же время задаваясь вопросом, что произошло с девушками, нарушившими «правила».

– Как тебе такое предложение? Работа тяжелая, но семья Теодосис – хорошие работодатели.

– По сравнению с некоторыми они просто ангелы, – Шантель поставила на стол тарелку с сэндвичами и пододвинула ее к Шоне. – Давай-ка поешь.

– Спасибо, – Шона одарила ее благодарной улыбкой.

Багет с курицей и салатом выглядел намного аппетитнее раздавленных фруктов, лежавших в сумке.

– Вопросы есть? – спросил Джереми.

Шантель закатила глаза.

– Плата, Джереми.

– Ах да.

Он назвал сумму, которая показалась удручающе маленькой. Ее хватило бы на жилье, но на питание уже не оставалось.

– А еда включена? – Шона кивнула на тарелку с сэндвичами.

– О да, полный пансион с проживанием. Если тебе не случалось бывать на яхте, может, хочешь посмотреть каюту, прежде чем принять решение?

– Полный пансион с проживанием? – Шона нахмурилась и тотчас почувствовала себя глупо: до нее только сейчас дошло, что придется жить на яхте. – Я думала... – Она посмеялась над собой. – Я думала, вы ищете что-то вроде приходящей горничной, пока стоите в порту.

Джереми и Шантель рассмеялись.

– Нет, присоединяясь к команде, ты продаешься со всеми потрохами, – сказала Шантель. – Такая работа не для каждого. Но ты, я думаю, подойдешь.

– И о каком сроке идет речь? В середине сентября я должна вернуться в университет.

– Без проблем. Через несколько дней мы отправимся на Корсику, затем переберемся в Италию, на Амальфитанское побережье, оттуда поплывем вниз, обогнем Южную Италию и возьмем курс на Грецию. Сможешь оттуда вернуться домой?

– Звучит здорово, но я...

Она не могла бросить Рокси, ведь они вместе приехали сюда. Правда, в первую же ночь в Монако подруга познакомилась в ночном клубе с Тьерри и с тех пор, казалось, была готова проводить все время с ним.

– Тебя ведь не укачивает, а? – вдруг спросила Шантель.

Шона рассмеялась.

– Нет, я десятки раз пересекала Ирландское море. Я не страдаю морской болезнью.

Она снова подумала о Рокси и задалась вопросом, захочет ли та прийти сюда – а вдруг есть шанс, что возьмут их обеих?

– Можно... можно я дам ответ утром?

После визита на «Святую Елену» Шона вернулась в хостел в состоянии легкого потрясения и ломала голову над тем, что ей теперь делать. Когда последний лестничный пролет остался позади, она пришла к мысли отказаться от работы. Однако, открыв дверь, она увидела Рокси, которая засовывала одежду в рюкзак, и наблюдавшего за ней Тьерри. При виде Шоны лицо подруги оживилось от волнения.

– Шона, Тьерри нас спас!

Шона посмотрела на Тьерри. Это был красавчик средних лет, с резкими чертами лица, волосами с проседью и загорелой кожей, свидетельствующей о годах, проведенных под средиземноморским солнцем. Шона ничего не знала об этом человеке, которым так увлеклась подруга, и не была уверена, что разделяет ее энтузиазм.

Между тем Рокси продолжала взволнованно тараторить:

– У Тьерри дом на юге Франции, он художник и дружит с самыми разными людьми – с такими дизайнерами, как Жан-Поль Готье и Джон Гальяно, я могла бы многому научиться у них. Тьерри говорит, мы можем поехать вдвоем, это недалеко от пляжа, и нам не пришлось бы платить...

Тьерри и Шона посмотрели друг на друга.

– Это ведь так, Тьерри? Мы с Шоной путешествуем вместе и неразлучны.

– Oui⁵, – пожал плечами Тьерри, но не улыбнулся. – Если хочешь, можешь поехать с нами. Судя по тону, Тьерри предпочел бы, чтобы она отказалась.

– Послушайте, – выпалила она, – мне только что предложили работу на яхте. Я собиралась отказаться, потому что не хотела бросать тебя. Но сейчас кажется... так будет к лучшему. – Она одарила их улыбкой. – Третий лишний, так ведь?

– Шона, ты не лишняя, – Рокси бросила одежду, которую засовывала в рюкзак, и кинулась обнимать подругу. – У нас обеих все замечательно складывается! Куда плывет яхта?

Услышав, что Шону высадят в Греции в конце августа, Рокси захлопала в ладоши.

– Здорово! Я встречу тебя в Греции. Тогда мы пару недель проведем вместе, а потом отправимся домой! О, Шона, путешествие на яхте – это звучит так гламурно.

– Я буду драить палубу и мыть ваннные комнаты, – сказала Шона, тоже обнимая Рокси. – Но я буду скучать по тебе.

Внезапно почувствовав тревогу, она наклонилась поближе и прошептала:

– А ты уверена в Тьерри? Мы о нем ничего не знаем.

– Не волнуйся, он лапушка, – прошептала Рокси в ответ. – И как знать, с кем еще я могу познакомиться? В мире моды важны связи.

---

⁵ Да (франц.).

В животе у Шоны екнуло. А вдруг что-то пойдет не так, она окажется в затруднительном положении, а подруги рядом не будет?

Рокси заметила выражение, промелькнувшее на лице Шоны.

– Эй, даже не думай. Мы ведь обе хотели приключений, верно?

В тот же день Шона вернулась на «Святую Елену», и Шантель, открывая дверь в каюту, где едва помешалась двухъярусная кровать, сказала со смешком:

– Она крохотная, зато в ней есть ванная. Ты будешь жить с Фрейей, она из инженерной команды и большую часть времени проводит на мостике. Она скандинавка и очень славная. Обеими ногами стоит на земле, с хорошим чувством юмора, но в покер с ней не садись, обдерет как липку.

Шона кивнула, пытаясь воспринять информацию и оглядывая тесную каюту, которой на ближайшую пару месяцев предстояло стать ее домом.

– А владельцы яхты – кто они?

– Их семейный бизнес – морские перевозки, – пожала плечами Шантель. – Они невероятно богаты. Деметриос Теодосис – старший сын, и отец хочет передать бизнес ему.

– Он производит впечатление плейбоя.

Вспомнив, каким провокационным взглядом смотрел на нее Деметриос, Шона почувствовала, что снова краснеет.

– Он чистокровный кобель, это точно, но разрывается между желанием ублажить семью и самому весело проводить время. Ему еще тридцати нет.

Шона подумала о шикарной Нормандии в обтягивающем бикини, которая была с Деметриосом.

– А кто эта девушка, с которой он встречается?

– Нормандия Шапель? Ты явно не читаешь глянцевого журналы! Она французская модель, уже состояла в отношениях с Джеком Николсоном и Стингом. У нее есть все, а теперь еще и Деметриос в придачу.

Шона почувствовала, как упало сердце, и сама тому удивилась. «Не будь смешной, – приказала она себе. – В этом мире ты – невидимка». Деметриос был птицей высокого полета, а она – просто девчонка на побегушках. Она могла смотреть, но на этом ее возможности исчерпывались.

Глава пятая

– Шона, когда закончишь, отнесешь парочку в хозяйскую каюту? – попросила Гордана, стюардесса «Святой Елены».

По словам Шантель, она знала все, что происходит на борту, – от того, кто с кем спит, и заканчивая состоянием здоровья гостей.

Шона кивнула, вытащила из сушилки последние теплые полотенца и сложила все мягкие банные простыни в аккуратную стопку. Ей не терпелось выбраться из жарких, душных недр прачечной на воздух верхних палуб.

Поездка на Корсику отменилась, и неделю они провели в порту «Геркулес». Шона не возражала, это дало ей возможность освоиться на «Святой Елене». Став членом команды обслуживания, она овладела искусством быть невидимой для состоятельных гостей. Джереми внушил ей, что персонал, производя уборку и смену белья, должен входить и выходить из кают бесшумно.

Часть гостей, в том числе гламурная Нормандия, покинули судно. Деметриоса тоже почти не наблюдалось, но как-то утром Шоне поручили привести в порядок хозяйский люкс. Она изо всех сил старалась профессионально дистанцироваться, но стоило ей взять в руки шелковую камисоль и трусики «Шанель», небрежно брошенные на кровати, как ее воображение тотчас разыгралось. Она представила, с какой лихорадочной страстью руки Деметриоса срывают камисоль с Нормандии, а его губы ласкают ее тело...

Она одернула себя. Это тебе голову напекло, Шона О'Брайен.

Поднявшись по лестнице, она оказалась на верхней палубе и, не думая, распахнула дверь в хозяйскую каюту.

– Ой... Простите.

Чувствуя себя круглой душой, она замерла в дверях, глядя во все глаза на Деметриоса, который застегивал пуговицы на рубашке. Его волосы были влажными, точно он недавно принимал душ. Как, собственно говоря, и было. Поэтому ее попросили отнести чистые полотенца.

– Нет проблем, – он продолжил застегивать рубашку. – Проходи.

Она бросилась в ванную, ее щеки пылали. Боже, он, наверное, принял ее за полную идиотку. Шона быстро повесила одно полотенце на держатель, еще пару положила на полки и схватила мокрое, висевшее на двери.

Она выскочила из ванной, надеясь улизнуть без разговоров. Они не виделись с того первого дня, но это не мешало ей задаваться вопросом, был ли он настолько красивым и уверенным в себе, каким ей показался. Память не подвела. Он действительно был чрезвычайно привлекателен и очень уверен в себе.

– Значит, ты по-прежнему здесь, – сказал он, прежде чем она успела сделать шаг.

Это было произнесено таким тоном, что резкий ответ вырвался у нее сам собой, она просто не успела сдержаться:

– А почему бы мне здесь не быть?

Он ухмыльнулся.

– Исполнение прихотей кучки богатых засранцев – такая работа устраивает далеко не каждого.

Шона почувствовала, что он каким-то образом проверяет ее.

– Мне не встречались засранцы на этом судне.

Деметриос снова усмехнулся.

– Это пока. До конца вояжа еще уйма времени.

– Во всяком случае, меня до сих пор не уволили. Но, может, конечно, вам не понравится, как я складываю полотенца.

Она опять удивилась себе. Но он провоцировал ее с таким высокомерием и самоуверенностью, что она невольно срывалась на дерзость.

– Уверен, они сложены идеально. Только этот твой талант, наверное, пропадет даром, раз ты собираешься стать бухгалтером.

– Откуда вам об этом известно? – озадачилась Шона.

– Я обязан знать обо всех, кто поднимается на борт моей яхты. Сама знаешь, кто попало у нас не работает.

Шона снова отметила про себя, какой у него богатый голос. В нем чувствовался греческий акцент, а еще, пожалуй, легкая американская гнусавость. Когда он сделал шаг к ней, она немного смутилась.

– Я даже знаю, как тебя зовут.

Он был совсем близко, и она видела его ореховые глаза – казалось, они отсвечивали золотыми искрами. На нее пахнуло ароматом цитрусовых и сандалового дерева.

– Шона О’Брайен.

Никогда еще ее имя не звучало так гламурно и чувственно. Жаль, что она не выглядела ему под стать – стояла в униформе из белого жилета и темно-синих шорт, чувствуя себя неловко. Деметриос уже подошел к ней вплотную, и на мгновение Шоне показалось, что он вот-вот коснется ее лица, но он взял у нее из рук последнее чистое полотенце и вытер голову. Потом неторопливо подошел к зеркалу, бросил полотенце и, глядя на свое отражение, взъерошил себе волосы. Шона увидела в зеркале себя – она стояла позади него, и глаза у нее были – о ужас! – круглые-прекруглые.

– Ты дружишь с числами, Шона?

– Конечно, – без колебаний ответила она.

Отец всегда говорил, что от ложной скромности один вред.

– Отлично. Ты можешь мне кое в чем помочь, Шона О’Брайен. Что бы ты ни думала, моя жизнь состоит не только из развлечений.

В его голосе слышалась серьезность, которой Шона не замечала прежде. Она задумалась о том, какого рода помощь ему нужна.

– Завтра я позову тебя.

Следующее утро выдалось насыщенным. В связи с приближающимся отплытием из Монако Джереми хотел, чтобы яхта была полностью готова, и, довольный общей работой, после обеда распустил команду.

– Какие планы на остаток дня? – поинтересовалась Шантель, садясь на скамейку рядом с Шоной, которая скинула рабочие туфли и потягивала пепси.

Шона покачала головой.

– Я бы побродила по Старому городу. Мне нравятся тамошние здания.

И она по-прежнему надеялась увидеть княгиню. Только вчера двое членов экипажа, вернувшись с прогулки, рассказали, что видели, как княжеская чета покидала дворец в лимузине. Княгиня Грейс помахала из окна собравшимся снаружи туристам.

– А я спущусь к побережью и проведу старых друзей, которые остановились в Кап-д’Ай. Использую свободное время с максимальной пользой. Жаль, Деметриос на борту, а то я бы до конца дня нежилась под лучами солнца на верхней палубе.

– А нам это можно?

У Шоны заблестели глаза от подобной перспективы. Несмотря на типично ирландскую белую кожу и рыжие волосы, она могла загорать, правда, требовалось проявлять осторожность.

– Только когда на борту никого нет. Если он сошел на берег и в ближайшую пару часов не ожидается, тогда можно.

Шантель отложила вилку и обратилась через стол к Джереми:

– Ты в курсе, какие планы у Деметриоса на сегодня и на завтра?

– На завтра он вызвал водителя, чтобы тот заехал за ним в десять и привез обратно в три. Я полагаю, у него встречи в казино и обед с кем-то. Вечером заказана другая машина, чтобы ехать... – Джереми сделал паузу, глаза у него блестели, – во дворец Гримальди. Там будет вечеринка.

Шона сидела, оглушенная этой новостью. Деметриос собирался на вечер во дворец. Неужели он был знаком с княгиней? Значит, они встречались раньше? Она и в жизни так прекрасна, как на экране?

– Он умеет развлекаться, – сказал сидевший дальше Эрик, беря еще кусок багета.

– Когда в прошлом году мы были в Неаполе, на борту была вечеринка, и на ней присутствовали Дадли Мур и Лайза Минелли.

– А еще Кэтлин Тернер, Джерри Брукхаймер и Майкл Манн, – вмешалась его подруга Ребекка.

– Вечеринка была что надо, – сказал Джереми. – Почти все шампанское выпили.

Округлив глаза, Шона слушала рассказы о знаменитостях, встретить которых в жизни она даже не могла мечтать.

Во второй половине дня Шона полезла на верхнюю палубу, прихватив пару журналов «Она», оставленных в одной из гостевых кают, и полосатое полотенце, которое гармонировало с солнечно-желтыми подушками на шезлонгах. Еще у нее был стакан со льдом, пара полосатых соломинок и банка кока-колы, что представлялось ей верхом шика.

Хотя Шона проявила осмотрительность, уточнив у Джереми, можно ли приходить сюда, и удостоверилась, что яхта была в ее распоряжении, за исключением дежурной команды из двух матросов, проверявших работу двигателей, она перемещалась быстро и крадучись, не в силах отделаться от ощущения, что делать этого не должна. Но стоило ей снять трикотажное платье, намазаться солнцезащитным кремом и лечь в бикини на деревянный шезлонг, как тело начало расслабляться. Но и теперь она была слишком взволнована, чтобы сконцентрироваться на глянцевах страницах журнала, и потому прикрыла им лицо, исподтишка поглядывая по сторонам.

Из гавани открывался вид на белокаменную громаду княжеского дворца на вершине холма, а справа по крутым склонам взбирались розовые, оранжевые и кремовые строения. Прямо под ней вода плескалась о корпус в сонном ритме, навевая желание закрыть глаза. Поодаль на двух яхтах – сильно уступающих в размерах «Святой Елене», что Шона с горделивой усмешкой отметила про себя, – компания молодых людей лет двадцати с небольшим распивала вино, переговариваясь громкими голосами, разносившимися по воде, и явно красуясь перед туристами. Все девушки были в бикини ярких расцветок и надетых поверх прозрачных туниках и демонстрировали свои тела, точно стайка ярко окрашенных колибри.

Шона подумала, как все это прекрасно, улыбка осветила ее лицо, и через несколько мгновений ее сморил сон.

Когда она в конце концов снова всплыла на поверхность, наслаждаясь теплым солнцем и легким ветерком, то не могла сказать, как долго спала. Не желая нарушать магию момента, она с тихим вздохом потянулась, наслаждаясь этим ощущением и улыбаясь про себя, – и тут ей на лицо упала тень.

Шона распахнула глаза. Прямо над ней стоял Деметриос, и на его губах играла легкая ироническая усмешка.

– Ну, привет, Спящая Красавица.

Внезапно почувствовав себя очень уязвимой и обнаженной, она спустила ноги с шезлонга и схватила полотенце, чтобы прикрыться.

– О, не делай этого. Я любовался видом.

– Давно вы здесь?

Невыгодность ее положения была очевидной, учитывая, что перед ней стоял мужчина в галстуке, рубашке, брюках и с пиджаком, небрежно перекинутым через плечо. Шона накинула на себя полотенце, как платье, и попыталась схватить журналы, которые разлетелись по столу и оказались вне досягаемости.

– Недавно. Встреча закончилась рано, поэтому я решил вернуться. И теперь очень этому рад.

Шона уставилась на него, раздосадованная тем, как предательски бешено колотится сердце.

– Мне нужно идти.

Она шагнула вперед, ожидая, что он посторонится, но он не пошевелился, и она практически уткнулась носом в его грудь.

– Пожалуйста, не беспокойся, – промурлыкал он своим низким голосом с мальчишеским озорством в глазах. – Ты явно получала удовольствие от загара. Я никому не скажу, если сама не проболтаешься.

– Я не знала, что вы вернетесь... У меня есть работа.

Деметриос усмехнулся.

– А это ты врешь, Красавица. Сегодня у тебя, как и у остальной команды, выходной в награду за усердный труд и трепетную заботу о моих гостях. Если будешь врать, у тебя нос вырастет, и очень жаль, потому что он у тебя прехорошенький.

Он скрестил руки на груди и стоял как вкопанный, и она понятия не имела, как его миновать.

– Нет, это вы говорите ерунду, потому что носы не бывают хорошенькими, – язвительно заметила она, отступая на шаг. – А теперь простите, мне действительно нужно...

– Еще только час дня. Ты действительно хочешь потратить этот прекрасный день, застилая кровати и убирая ванн? – Он притопнул ногой, как ей показалось, чуть нетерпеливо. – И потом, если ты действительно хочешь поработать, то можешь мне помочь.

– В чем?

– Пойдем, я объясню.

Шона последовала за ним на нижнюю палубу в небольшой кабинет, где Деметриос устроился за письменным столом из красного дерева и пригласил ее сесть рядом.

– Ты слышала о греческом острове Итос?

Он открыл большую бухгалтерскую книгу, в которой, казалось, были одни цифры.

Шона покачала головой.

– Нет, пожалуй. Я только о Корфу слышала.

– Ничего общего с Корфу, боже упаси! – В его голосе звучал ужас, но глаза светились весельем. – Увы, тебе явно не хватает познаний.

– Я мало путешествовала, а Греция далеко от Эннискреа. В любом случае вы рассчитываете на мои познания, иначе не обратились бы ко мне за помощью.

В знак извинения Деметриос кивнул.

– Ты права, не следует забывать о манерах. Сегодня у тебя выходной, и я ценю твое время.

Шона удивилась тому, как искренне это прозвучало.

– Нужно сконцентрироваться, Шона О'Брайен. Это бухгалтерские книги моего отца. Тебе известно, что мы продаем суда и осуществляем грузоперевозки по всему миру?

– Да, Шантель говорила об этом.

– Забота о семейном бизнесе лежит на мне. У нас много клиентов и поставщиков, и не всем из них можно доверять. Дай им шанс, и они попытаются нами воспользоваться, поэтому

мы должны быть бдительными. Я знаю, что в этой бухгалтерской книге что-то не так, но сколько ни смотрю, не могу разобраться. Ты сможешь мне?

– Я ничего не понимаю в бизнесе.

– Но ты дружишь с числами. – Он провел рукой по лицу и вдруг показался ей не тридцатилетним, а гораздо моложе, хотя глаза выдавали его внутреннее напряжение. – Оглянись по сторонам. Что ты видишь?

Шона не замедлила с ответом:

– Много денег и богатство.

– *Nai*⁶, – кивнул он. – Но богатство, деньги, все эти красивые вещи – мы заработали их трудом, Шона. Люди завистливы и слишком ленивы, чтобы работать на себя. Они считают, мы всего этого не заслужили, но правда в том, что мой отец и его братья многим пожертвовали ради этого, и я должен защищать дело отца и заботиться о процветании нашего бизнеса ради поколений, которые придут после нас. Для нас семья стоит на первом месте.

– Звучит почти как семейный кодекс, – рассмеялась Шона.

Лицо Деметриоса было серьезным, когда он ответил:

– Это и есть кодекс. Мы живем по нему.

– Конечно, я помогу вам, если смогу.

– Давай сконцентрируемся.

Следующий час или около того Шона и Деметриос вместе корпели над книгами. Близость к нему сбивала с толку, но ее интерес к проблеме и упорство оказались сильнее. В конце концов скрупулезность была вознаграждена, и она заметила несоответствие.

– Эти две цифры не соответствуют друг другу. – Шона указала на строчку в бухгалтерской книге. – Эта компания, «Валма и партнеры»... Количество проработанных часов не соответствуют выставленным к оплате. По моим расчетам, вам должны были предъявить счет на 6400 долларов, а не на 64 000 долларов. И поэтому столбцы не совпадают.

– Вот убудки! – Деметриос стукнул кулаком по столу. – Глава компании – один из старейших друзей отца. Кому доверять, как не ему, ведь так? Но это не первый раз, когда нас обманывают люди, которым следовало бы доверять. Поэтому мы стараемся все держать в семейном кругу. – Он на мгновение погрузился в размышления, сосредоточенно нахмутив брови. – Отцу это не понравится.

Шона понимала, что дело серьезное, но не знала, как реагировать. К ее облегчению, Деметриос подавил вспышку гнева, вызванную обманом, и сказал:

– Ты сэкономила моей компании кучу денег, и теперь я твой должник. Когда доберемся до Итоса, я лично прокачу тебя на одной из яхт и покажу тебе такой Итос, который тебе запомнится навсегда.

Услышав это, Шона почувствовала трепет, но вместе с тем понимала, что к тому времени, как они доберутся до Итоса, о ней уже забудут. Сейчас он был исполнен благодарности, но он был занятой человек, а она – просто горничная. Да, она только что сэкономила его семье кучу денег, но это не отменяло того факта, что она была всего лишь прислугой.

– Такого другого острова, как Итос, нет во всей Греции, – продолжал он. – Это жемчужина. И мой дом.

На мгновение во взгляде Деметриоса появилась отрешенность. Тронутая его внезапной задумчивостью, она тихо сказала:

– Похоже, вы очень любите его.

– Так и есть. Это единственное место, где я могу быть собой.

Серьезность и искренность, которые вдруг обнаружили в нем и шли вразрез с его образом плейбоя, взволновали ее.

---

⁶ Да (греч.).

– А мне кажется, я не знаю, кто я, – сказала она, задаваясь вопросом, откуда взялась ее собственная откровенность.

– Со временем узнаешь, но сначала тебе, Спящая Красавица, нужно немного пожить.

Он посмотрел на нее, выдержав встречный взгляд, и Шона почувствовала, как сердце забилось быстрее. Ей казалось, он вот-вот дотронется до нее, и лишь это удерживало ее от того, чтобы не коснуться его первой. На мгновение она подумала о белье, брошенном на его кровати, и задалась вопросом, как бы она себя чувствовала, окажись на ней.

Затем Деметриос опустил взгляд и потянулся к спутниковому телефону.

– Теперь извини, мне нужно сделать несколько звонков. Еще раз спасибо, Шона О'Брайен, я вижу, что ты ценный человек для судоходной компании «Теодосис».

Шона поискала в его фразе иронический подтекст, но с удивлением обнаружила только искренность. Он уже набирал номер и, когда она выскользнула за дверь, оживленно заговорил по-гречески. Направляясь в свою каюту, она думала об Итосе и гадала, что может ждать ее там.

Глава шестая

На следующий день Шона снова дежурила в хозяйской каюте. Она отчасти надеялась, что наткнется на Деметриоса, но его нигде не было, поэтому она быстро навела порядок, с удовлетворением отметив, что на этот раз признаков нижнего белья Нормандии не наблюдалось.

Пока занималась уборкой, она то и дело думала о Деметриосе. Джереми сказал, что сегодня вечером он будет во дворце Гримальди. Шона все отдала бы за возможность взглянуть на это хоть одним глазком. Она представила, как княгиня Грейс сидит в кресле в стиле Людовика XV в огромной гардеробной и рассеянно листает номер «Вог», а горничная демонстрирует ей шикарные, элегантные платья, одно из которых предстоит надеть на сегодняшний прием. Вбегает семнадцатилетняя княжна-бунтарка Стефания, красивая, загорелая и необузданная. Она требует внимания, и дело с нарядом откладывается, пока мать не выслушает ее возбужденную болтовню. Возможно, они обсуждают последние слухи о богатой и могущественной элите Монако... или планируют выезд на Открытый чемпионат Франции, чтобы посмотреть на игру Джона Макинроя, или на концерт Элтона Джона, а после заглянуть к нему за кулисы...

Шона очнулась от грез, когда внизу на пристани, взвизгнув шинами, резко остановился ярко-красный «Феррари». Она подошла к борту и посмотрела на спортивный автомобиль с открытым верхом. На водительском сиденье была все та же Нормандия, а рядом сидел Деметриос. С одного взгляда было ясно, что между ними что-то не так. Шона отступила назад, чтобы ее не заметили. Она знала, что подслушивать неправильно, но боялась пошевелиться и привлечь к себе внимание. Поэтому она замерла на месте и слышала каждое слово.

– Ты – дерьмо, Деметриос! Как ты смеешь обращаться со мной так!

Голос девушки звучал гневно. Казалось, она вот-вот расплечется.

– Ты преувеличиваешь, – холодно и бесстрастно возразил Деметриос.

– Я видела тебя с этой шлюшкой, ты даже не скрывался.

– София Константис – дочь одного из деловых партнеров отца. Конечно, я должен проводить с ней время и, пока она здесь, показать ей Монако.

– А вечером доставить ее в гостиницу, а потом трахнуть – это ты тоже должен?

Она возвысила голос и буквально выплюнула эти слова.

– Говори тише, – прошипел он. – У тебя сильно разыгралось воображение. Откуда эта ревность и ребячество? Вечно ты требуешь внимания и закатываешь истерики.

– Тебя видели выходящим из гостиницы сегодня в семь утра.

Голос Нормандии то и дело срывался на крик.

Казалось, терпение Деметриоса лопнуло.

– Значит, теперь ты за мной следишь? Какого хрена ты играешь в эти игры? – Шона поразилась его вспышке гнева. – Я перед тобой не отчитываюсь, я не озабоченный теннисист и не престарелая рок-звезда, которым нужна твоя компания, чтобы производить впечатление.

– Ты ублюдок! – всхлипнула Нормандия.

– А ты неуверенная в себе, жалкая соплячка. – В его голосе звенела сталь. – Не тебе меня контролировать, и даже не пытайся. Презрение – это все, чего ты добьешься.

– Деметриос...

Шона поддалась искушению и выглянула. Нормандия потянулась к Деметриосу и, безудержно всхлипывая, хотела обнять его шею. Он спокойно и решительно отстранился, открыл дверь и вышел.

– Приведи себя в порядок, – сказал он, – выглядишь ужасно.

Нормандия не ответила. Уронив голову на руль, она рыдала, у нее сотрясались плечи. Шона почти ничего не знала о Нормандии, но испытывала к ней сочувствие и удивлялась, почему Деметриос обошелся с ней подобным образом.

– Я попрошу кого-нибудь из экипажа отвезти тебя обратно на виллу. В таком состоянии ты не можешь садиться за руль.

В ответ на это Нормандия вскинула голову и сказала с вызовом:

– Мне твои «шестерки» не нужны, проваливай ко всем чертям.

С этими словами она развернула машину, так что из-под колес засвистел гравий, но Деметриос, не оглядываясь, уже шел по трапу и, судя по всему, направлялся в свою каюту.

Шона вышла из тени, размышляя над этой новой стороной Деметриоса. Он, несомненно, был весьма многогранной личностью.

* * *

Закончив работу тем вечером, Шона направилась к маленькой палубе на корме. В гостиной для персонала она нашла старую книгу в мягкой обложке – «Шансы» Джеки Коллинз. Судя по аннотации, это была история дочери гангстера Лаки Сантанджело, которая разворачивалась в местах обитания богатых и знаменитых. Чтение было лучшим способом отвлечься от инцидента, свидетельницей которого она стала, – Шона, как ни старалась, не могла забыть о холодном безразличии Деметриоса к слезам Нормандии. Куда пропал тот чуткий мужчина, с которым она общалась накануне? Неужели превратился в эту безжалостную крысу?

Она все еще прокручивала в уме эту сцену, когда почувствовала, что кто-то идет по трапу в ее сторону. Повернувшись, она увидела Деметриоса. Он был чисто выбрит и одет в строгий черный костюм «Армани» и галстук-бабочку. На мгновение она подумала, что наколдвала его. Он был похож на греческого Джеймса Бонда и почти ослеплял своей красотой. Шона невольно отвела взгляд и поймала себя на том, что хочет рассмеяться.

– Что подделываешь, Красавица, и чему ты так загадочно улыбаешься? Неужели у тебя нет интересных планов на сегодняшний вечер?

– Нет. Часть экипажа отправилась в город пропустить по стаканчику, а мне не захотелось.

– А почему? От работы беспробудной станешь, Шона, ты занудой.

– Я не зануда. – Ее задела его подкалывания. – Это не мое, вот и все.

– А что твое?

Он кивнул на книгу, и Шоне стало немного стыдно за дешевое издание в мягкой обложке. Конечно, утонченные девушки, с которыми он общался, нашли бы способ провести вечер лучше. Тут она вспомнила о Нормандии и подумала, неужели та до сих пор вытирает слезы после того, как он с ней обошелся.

– В любом случае я рад, что ты осталась, – сказал Деметриос. – У меня к тебе просьба.

– Ко мне?

– Да, сегодня вечером я должен присутствовать на приеме во дворце Гримальди. Я бы хотел, чтобы ты составила мне компанию.

У Шоны отвисла челюсть. Она не знала, как реагировать.

– Но я... почему я?

– А почему нет?

– Я обычная девушка, у меня даже нет платья.

Шона была в полном смятении. Неужели он серьезно? Она испытывала досаду – с какой стати ему взбрело в голову взять на вечеринку во дворец Гримальди члена экипажа?

– Вы меня дразните, да? С вашей стороны это не очень-то красиво. Да, я человек маленький, но у меня тоже есть чувства, и смеяться надо мной вот так... ну, это просто жестоко, – дрогнувшим голосом сказала она.

Деметриос покачал головой и нежно взял ее за руку.

– Шона, я обращаюсь к тебе именно потому, что у тебя есть чувства. Если мне придется провести еще один час в компании ищущих внимания, двуличных притворщиц, которые отнимут у меня больше времени, чем следовало бы, то я вполне могу... – он посмотрел по сторонам, пытаясь найти нужные слова, – прыгнуть в Средиземное море и поплыть обратно на Итос.

Выражение его лица было настолько искренним, что Шона невольно расхохоталась.

– Все так плохо, да? – спросила она.

– Ты даже не представляешь насколько, – усмехнулся он.

– Может быть, представляю.

Они улыбнулись друг другу, и на мгновение Шона ощутила себя равной ему, точно они были друзьями и шутили о чем-то личном. Потом она вспомнила.

– Мне действительно нечего надеть.

– Предоставь это мне.

Через полчаса появилась Шантель с охапкой дизайнерских вечерних нарядов и предложила для примерки пойти в свою каюту, которая была больше, чем у Шоны. Одни были стильные, простые и элегантные, другие – блестящие и гламурные, но все они были красивые и разительно отличались от самой шикарной вещи, которую Шоне случалось надевать, – бархатного платья с рукавами-«фонариками» от Лоры Эшли, купленного в секонд-хенде по случаю первого университетского бала.

Шона не смогла сдержать вздох.

– Откуда все это?

– Дорогая, это Монако. Тут что ни день, то светский раут. Найти приличное платье в кратчайшие сроки здесь не проблема, уж поверь мне.

– Неужели я надену одно из них? Это невероятно!

Внезапно мысль о предстоящем вечере захватила ее целиком. А вдруг она ляпнет глупость, или окажется одна, или ее спросят, кто она такая?

Она озвучила свои опасения Шантель, но та в ответ рассмеялась.

– *Chéri*⁷, не переживай. Я пару раз бывала на подобных мероприятиях и скажу тебе, что большинство гостей настолько заиклены на себе, что им не будет до тебя дела.

– А это обычно для Деметриоса – брать членов экипажа на вечеринки?

Шантель помедлила с ответом, но в глаза ей смотреть не стала.

– Э, нет, но, вероятно, у него есть веская причина. И ему придется урегулировать это с Джереми.

– Но Деметриос – босс.

– А Джереми отвечает за экипаж. Ему не нравится, когда босс ведет себя панибратски с персоналом. Это может... осложнить жизнь.

«И должно быть, уже осложняло», – подумала Шона. Шантель, казалось, прочитала ее мысли.

– Послушай, Шона, Деметриос знает правила, но у него бывают прихоти, и мы должны с этим считаться. Но злить Джереми он не станет, так что ты в безопасности. Теперь давай, переодевайся.

Шона выбрала платье из блестящего зеленого атласа, без бретелек и с разрезом до бедра спереди. Оно было неброское, но вместе с тем элегантное и дерзко сексуальное. Шантель помогла ей собрать волосы в узел и поделилась дорогой косметикой «Эсте Лаудер». Голубые тени в сочетании с синей подводкой придали ее глазам кошачий вид, и, когда Шона надела золотые босоножки с ремешками и посмотрела в зеркало, она не узнала себя.

---

⁷ Дорогая (франц.).

Шантель присвистнула и широко улыбнулась.

– Вау, выглядишь сокрушительно, на миллион! Вот тебе клатч и руки в ноги – босс ждет.

Шона неуверенно держалась на каблуках, направляясь в гостиную, где ее ожидал Деметриос. Он стоял к ней спиной, и Шона вдруг снова почувствовала себя застенчивой маленькой девочкой. Все это казалось слишком: яхта, Деметриос, вечер во дворце – это был чужой мир. Она боролась с желанием убежать.

Деметриос разливал «Дом Периньон». Должно быть, он услышал ее шаги, потому что заговорил прежде, чем обернулся:

– Я надеюсь, ты нашла что-то...

Он повернулся к ней с фужером – взгляд стал удивленным, он умолк, не находя слов.

– Что такое? – спросила Шона. – Вам не нравится?

Она посмотрела на себя, решив, что, вероятно, выбрала неподходящий наряд.

– Следовало надеть что-то более официальное? Я могу переодеться...

– Нет, – быстро ответил он и сделал шаг к ней.

Он подошел так близко, что Шона снова видела золотые искорки в его глазах.

– Нет, я... – Он запнулся, затем вроде бы пришел в себя. – Все отлично. Более чем. –

Потом сглотнул и продолжил: – На самом деле, думаю, немало голов повернется тебе вслед. Сомневаюсь, что во дворце Гримальди найдется кто-нибудь, похожий на тебя. – Он протянул ей хрустальный фужер. – Вот, выпей шампанского, пока машина подъезжает.

Шона взяла фужер.

– Мы поедем на машине?

– Конечно, а как иначе мы доберемся туда?

– Я думала, пойдем пешком. Это же в нескольких минутах ходьбы. – Она посмотрела на себя и рассмеялась. – На самом деле я едва могу в них ходить.

– Выпей, – настойчиво повторил он, – оно придаст тебе храбрости.

Шона подняла фужер и сделала нерешительный глоток.

– Sláinte!⁸ О-о! – Она снова засмеялась, ощущая прилив восторга вместе с игристым вином. – Пузырьки ударили в нос. Оно действительно шипучее. Я никогда раньше не пила шампанского.

Он наклонил голову, словно заинтригованный этим признанием, затем поднял свой фужер и чокнулся с ней.

– Пусть не в последний раз!

Она порывисто воскликнула:

– Мне всегда хотелось попасть на вечеринку, где подают только шампанское, или выпить его за завтраком, как Холли Голайтли⁹ в «Завтраке у Тиффани».

– По-моему, она пила его до завтрака.

Деметриос серьезно посмотрел на нее поверх фужера.

– Вы видели этот фильм?

Он кивнул.

– Он у меня один из любимых, такой гламурный. Одри Хепберн просто великолепна, хотя больше всего я люблю Грейс Келли. – Шона бросила взгляд в сторону замка на вершине холма. – Именно поэтому я приехала в Монако. Сейчас это кажется глупостью.

– Это вовсе не глупость.

Он сделал паузу, а затем, глядя вдаль, добавил:

– Мечты всем нужны. Вот ты о чем мечтаешь?

---

⁸ Ваше здоровье (*ирл.*).

⁹ Главная героиня фильма «Завтрак у Тиффани».

Теперь можно было не таиться. Если этот посторонний человек сочтет ее признание странным или забавным, ну и пусть.

– Будь у меня возможность выбрать, я хотела бы однажды стать актрисой.

– Почему?

Простой вопрос застал ее врасплох. Она вскинула голову, желая посмотреть ему в лицо, и ей показалось, что он был искренне заинтересован.

– Потому что... Да, я знаю, это прозвучит немного дико – мама подумала бы, что я сошла с ума, – я ведь очень застенчивая, но, когда я притворяюсь кем-то, стеснительность пропадает. Как будто меня больше нет. Это дает силы и раскрепощает. Я могу быть кем угодно, кем захочу.

– Понимаю. Трудно быть тем, кем хотят тебя видеть другие.

На мгновение их взгляды встретились, и ее как обожгло.

– Это чувство знакомо мне лучше, чем можно подумать.

Сокрушенное выражение, которое отразилось на его лице, тронуло ее до глубины души, так что сразу захотелось поддержать его и утешить.

– И вы хотите заняться чем-то другим?

Он вздохнул.

– От меня ожидают, что я возглавлю семейный бизнес и стану следующим патриархом.

– Но вам этого не хочется?

– С моей стороны это будет неблагодарно. Смотри, – он повел рукой по сторонам, – у меня есть все, чего только можно желать. Но, помимо этого, у меня есть собственная мечта.

– И в чем она состоит?

Он быстро поднялся, словно в порыве раздражения, подошел к бортовому рейлингу и стал смотреть на гавань, обеими руками держась за металл. Его фигура выглядела так одиноко, что она подошла и встала рядом. Так они стояли, вперившись взглядами в горизонт, в ту четкую линию, где кобальтовая синь, розовый кармин и оранжевый кадмий сумерек сливались с ультрамарином моря.

– Наша семья – судостроители, но знаешь что? Мы больше не строим суда, за нас эту работу делают другие, а мы им платим. – Он посмотрел на нее. – Я хочу сам построить яхту. С нуля. Своими руками. Парусник, чувствительный к ветру и морю. Способный двигаться в гармонии с природой.

– Звучит замечательно, – улыбнулась она.

Теперь Деметриос выглядел смущенным.

– Такой вот я... как это говорят? – мечтатель.

Шона взялась за ограждение, и ее руки показались такими маленькими и хрупкими по сравнению с его – загорелыми и сильными. Ей не составило труда представить, как он сам работает по дереву.

– А я прямо сейчас мысленно увидела, как вы его делаете.

Деметриос выдержал ее взгляд.

– А знаешь, Шона, мне приятно, что ты меня мысленно видишь.

– О, это все ерунда. – Она опустила глаза. – Как быть актрисой.

Она задумчиво вздохнула.

– Эй... – Он протянул руку и нежно коснулся ее лица. – Мечты окрыляют душу, не забывай об этом.

Она сглотнула, не находя слов. Это было красиво сказано, и она могла лишь улыбнуться в ответ. Он опустил руку.

– Не переставай мечтать. – Затем его тон снова стал деловым. – Ну вот, мы подкрепились и готовы к спектаклю. Сегодня ты произведешь фурор в Монако. Как думаешь, справишься?

Шона не была в этом уверена, но радостное предвкушение и алкоголь придали ей храбрости.

- Я буду очень стараться, – сказала она.
- Молодец, девочка, – ответил он, и восторженный трепет отозвался во всем ее теле.

Глава седьмая

«Не очень удачное начало», – подумала она с легким смешком, спускаясь на цыпочках по сходням.

Рядом остановилась черная машина, и, хотя это было ожидаемо, Шона вздрогнула. Она постояла, глядя на тонированные окна, и тут Деметриос открыл перед ней дверь и сказал:

– Запрыгивай.

Она села первой, а он скользнул следом. Его близость волновала.

То недолгое время, пока они ехали до дворца, на языке у Шоны вертелся один вопрос. Он не давал ей покоя с тех пор, как Деметриос пригласил ее составить ему компанию этим вечером.

– Можно спросить?

– Конечно.

– Почему вы выбрали в сопровождающие именно меня?

Деметриос повернул голову и посмотрел в окно. Шона проследила за его взглядом. В вечерних сумерках завораживающе мерцали огни гавани.

– Красиво, да? – сказал он.

– Очень, – ответила она.

– Но это видимость... – Он сделал паузу. – Как и большинство людей здесь.

– Я думала, вы захотите взять Нормандию.

Он повернулся к ней.

– Не сегодня. Ты многого не знаешь о Нормандии. Начать с того, что она не самая учтивая гостья.

– А вдруг мне известно больше, чем вы думаете?

Это прозвучало смело. Он пристально посмотрел на нее, и Шона подумала, что переступила черту.

– Ты что-то видела или слышала сегодня?

Шона закусил губу. Ей не хотелось сознаваться в том, что она слышала не предназначенное для ее ушей, но он, казалось, прочитал ответ у нее на лице. И, как ни странно, не рассердился.

– Знаешь, Нормандия та еще актриса. У нее сплошные перепады настроения, и сейчас, я уверен, она уже нашла утешение в другом месте.

– Но она же ваша девушка?

Он невесело рассмеялся.

– Шона, ты такая наивная. У Нормандии куча любовников. Что ей нужно, так это чтобы я пал к ее ногам, как все остальные. Она жаждет славы и оваций. Поверь мне, ей нужен не я, а то, чем я могу быть ей полезен.

– А вы сами чего хотите?

Машина поднималась на холм к дворцу и миновала множество деревянных ворот и несколько каменных арок, прежде чем прозвучал ответ.

– Когда я отдам свое сердце, это будет не гламурная девица вроде Нормандии. А сегодня вечером, Шона, я просто хочу в кои-то веки пообщаться с реальным человеком.

Шона задалась вопросом, какой девушке он отдал бы сердце, но времени на его обдумывание уже не оставалось – машина подъехала к красной ковровой дорожке. «Бабочки» в животе взлетели разом и суетливо забили крылышками. Шона застыла на месте, когда водитель открыл дверь, и Деметриос выбрался наружу.

– Пора на сцену, Красавица, – улыбнулся он.

Она мысленно подбодрила себя и подождала, пока он протянет руку и поможет ей выйти. «Представь, что ты знаменитая актриса, – сказала она себе. – Или старлетка, только что получившая свою первую награду. Ты взяла Бродвей штурмом». Думая так, она вскинула подбородок, расправила плечи и царственным жестом протянула руку. Образ слегка «поплыл», потому что рука дрожала, когда она оперлась о его ладонь, но он нежно сжал ее пальцы и, когда продел ее руку в свою, как если бы она была его принцессой, ее дух воспарил снова.

– Ты должна получать удовольствие, – напомнил он ей с нежной улыбкой. – Сожмешь чуть крепче, и перекроешь мне кровотоки, а я этой рукой очень дорожу.

Она издала небольшой смешок.

– Это от нервов. Извините.

– Перестань. Они такие же люди, как и мы.

– Хм. Только у них денег гораздо больше, – тихо заметила Шона, когда мимо прошла женщина, на шее которой сияло роскошное ожерелье с бриллиантами.

– Все будет в порядке, – на мгновение он накрыл ее руку своей. – Ты выглядишь очень красивой и столь же элегантной, как и другие присутствующие здесь дамы. И мы можем неплохо провести время.

Он был обходителен и пытался настроить ее непринужденно, но первое мгновение Шона лишь смотрела на него и была слишком ошеломлена, чтобы произнести хоть слово. Затем она вскинула подбородок и сказала себе: *Я смогу*.

Они следовали за вереницей хорошо одетых людей к мраморной лестнице, изогнутой в виде подковы. Дамы поднимались, чуть приподняв длинные юбки, чтобы не споткнуться. Шона провела рукой по дорогой ткани своего платья. Такого захватывающего приключения в ее жизни еще не было. Деметриос нежно погладил ее по руке, отчего в крови вспыхнул и рассыпался по телу сноп шипящих искр.

Чтобы успокоиться, она принялась глядеть по сторонам. Справа шла элегантная статная женщина в черном непретенциозном платье без бретелей и с жемчужным колье в полдюжины рядов.

– Кристи Тарлингтон, – пробормотал Деметриос.

– Что? – пискнула Шона и быстро понизила голос. – Модель?

Он кивнул и толкнул ее локтем.

– А вот и Бьянка Джаггер.

Шона повернулась: брюнетка в красном платье-халтер, расшитом пайетками и переливающимся при ходьбе, двигалась с волнующей грацией в компании двух других столь же привлекательных женщин.

– О боже, это Фара Фосетт-Мейджорс. – Шона пригнула голову, когда знаменитая актриса в развевающемся золотом платье из ламе прошла мимо, опираясь на руку мужчины, чье лицо показалось ей знакомым. – И Бионический человек.

Деметриос тихо рассмеялся.

– Не думаю, что тебе стоит называть его так, если нас представят.

– Вы знакомы?

– Нет.

Тут ей пришла в голову неожиданная мысль:

– А с князем и княгиней Грейс знакомы?

– Монако на самом деле очень маленькое. У отца бизнес с князем Ренье. Он попросил меня подменить его, поскольку вынужден задержаться в Афинах.

Что-то в его тоне побудило ее спросить:

– Вы не хотели приходить сюда?

Она не могла поверить, что такое возможно.

Он помедлил с ответом.

– Это бизнес. Они мне не друзья. Здесь так много людей, что поговорить с кем-то трудно. Это все спектакль. Игра. Здесь будут друзья и компаньоны отца, и я должен общаться с ними. Если я скажу, что это долг, который обязан выполнить, ты, пожалуй, решишь, что я ужасный тип?

– А как же, – весело отозвалась Шона, решив позаботиться о том, чтобы ему сегодня было весело.

Он рассмеялся, сочно и гулко, и от этого звука у нее потеплело в животе.

Теперь настала их очередь подниматься по ступенькам. Миновав ряды гвардейцев в белых мундирах и с ружьями, они прошли в приемный зал.

– Как изысканно, – прошептала Шона.

Огромная люстра сверкала и переливалась золотым светом, который, преломляясь, отражался в зеркалах, контрастировавших с белой штукатуркой и позолотой стен.

– Мне кажется, здесь немного душно.

Деметриос пожал плечами и огляделся по сторонам.

– Да, здесь как в музее, только тут живут настоящие люди. Посмотрите на стулья. – Она незаметно указала на массивные кресла в стиле Людовика XV с обивкой из шелковой парчи и отделкой из сусального золота. – И стены.

Поняв, что стены были обиты шелковой парчой в тон, она широко раскрыла глаза. Затем ее внимание привлекли стены, плавно переходящие в потолок и расписанные фресками с изображением сладострастных херувимов и богини с распущенными локонами цвета тициановского блонда.

Шона вертела головой то в одну, то в другую сторону, стараясь запомнить каждую мелочь, чтобы потом все пересказать в открытке родителям. Это было великолепно, зрелищно, изумительно, грандиозно... у нее никогда не хватит слов, чтобы описать это.

Наконец они подошли к помещению, настолько переполненному людьми, что она отвлеклась от созерцания роскошной обстановки. Гул голосов разносился по залу с высоким потолком, и Деметриос взял два бокала шампанского у нарядного официанта, стоявшего у дверного проема.

– Боже, до сегодняшнего дня я не пробовала шампанского, а теперь пью уже второй бокал.

Шона подняла руку в шутовском тосте.

– Похоже, я сбиваю тебя с правильного пути. Вряд ли твоей маме это понравится.

– Точно не понравится. Она не одобряет развлечения.

Шона с вызывающей усмешкой сделала глоток шампанского.

– А ты бунтарка, – поддразнил Деметриос.

– Вообще-то нет. Просто я решила насладиться моментом по максимуму. – Она просияла улыбкой и огляделась. – Я не ожидала такого количества людей. Это настоящее столпотворение.

– Теперь ты понимаешь, почему я не стремился сюда.

– Но здесь все так красиво, есть на что посмотреть. Не говоря уже о гостях. Взгляните-ка на ту пожилую пару – у дамы кудри стального цвета и черная трость. Они точно сошли со старинной картины.

– Это фон Габсбурги, потомки немецкой монаршей династии. У него фармбизнес.

Шона поймала себя на том, что смотрит по сторонам с открытым ртом, и посоветовала себе делать это не так явно. Деметриос хотел, чтобы она сыграла роль, именно этим она сейчас и займется. Они стали перемещаться по краю зала.

– Кто та высокая блондинка с довольно пожилым джентльменом?

– Грета Миттеран, племянница президента Франции, а рядом ее тренер по теннису.

– Тренер по теннису?

– О да. Несмотря на преклонные годы, от него еще есть толк на теннисном корте. В прошлом году она почти попала на Уимблдон. – Говоря это, Деметриос трясся от смеха. – Кроме того, он ее муж.

– Правда? – Шона еще раз взглянула на пару. – Это... Как вы думаете, она действительно любит его? – Она наморщила лоб. – Я имею в виду, он, ну, довольно старый, а она... очень красивая.

Деметриос покачал головой.

– Шона, ты действительно ничего не смыслишь в жизни людей из обеспеченного класса. – Затем он увидел кого-то и развернул ее в том направлении. – А как насчет них?

Он указал на очень эффектную пару, стоявшую под сверкающей люстрой рядом с длинным окном.

– Они... о, боже мой.

Она открыла рот от изумления.

– Это они. Это она, княгиня!

Отчаянно стараясь не выглядеть ротозейкой, Шона наклонила голову и попыталась украдкой посмотреть на княжескую чету. Княгиня – знаменитые светлые волосы собраны в элегантный узел, пурпурное платье из тафты, любимый жемчуг на шее – была великолепна, по-другому не скажешь. Она непринужденно беседовала с дамой, которая застенчиво теребила край юбки и много кивала. Шона могла представить, что та чувствовала. Должно быть, страшно оказаться лицом к лицу с легендой кино, которая к тому же была монаршей особой и иконой стиля планетарного масштаба.

– Пойдем?

Прежде чем Шона поняла его намерения, Деметриос взял ее за локоть и повел в сторону княжеской четы.

Князь Ренье поднял взгляд и радушно улыбнулся.

– Мсье Теодосис, как приятно вас видеть.

– Сэр, позвольте представить мисс Шону О’Брайен.

– Я очарован.

Князь кивнул и улыбнулся ей. Преодолевая застенчивость, Шона сглотнула и улыбнулась в ответ. К счастью, тут же на помощь ей пришел голос матери, мысленно упрекнувший: «Шона, где твои манеры?»

– Рада познакомиться, ваше высочество, у вас очень милый дом... дворец.

– Спасибо. – Его глаза блеснули. – Наша семья живет в нем давно, свыше девяти столетий. За эти годы мы накопили немало сокровищ.

– Это верно, – присоединилась княгиня. – И скажу честно, когда я впервые оказалась здесь, то ужасно боялась сломать что-нибудь очень ценное.

Ее лицо, хотя и потяжелевшее по сравнению с днями актерской карьеры, озарилось знаменитой лучистой улыбкой.

– О, могу себе представить.

Тон княгини был таким дружеским, что Шона уже не чувствовала стеснительности и благоговейного трепета.

– Часть мебели выглядит настолько хрупкой, что я бы не отважилась присесть на нее. Княгиня Грейс расхохоталась.

– Точно. Бедный Ренье. Я очень нервничала. – Она похлопала его по руке. – Это все история и протокол. Но опыт – хороший наставник. А я уже немолода. – Ее глаза сверкнули смехом. – Но, как вы со временем поймете, опыт и возраст способствуют прозрению.

Шона могла только кивнуть, запоминая слова. Она решила, что никогда их не забудет.

– Пожалуйста, передайте наши наилучшие пожелания вашему отцу, мистер Теодосис. Приятно познакомиться, мисс О’Брайен. Наслаждайтесь вечером. Как вы сможете убедиться, стулья довольно крепкие, но ужасно неудобные.

Княжеская чета удалилась, а Шона по-прежнему смотрела им вслед, ошеломленная тем, что княгиня запомнила ее фамилию.

– Обычные люди, правда? – тихо сказал Деметриос.

– Они намного дружелюбнее, чем я ожидала. Я думала, они довольно напыщенные и держатся официально. А она была... очень мила.

– И ты тоже. – Деметриос улыбнулся. – Я думаю, ты их очаровала, потому что не слишком старалась. А это редко кому удается. – Он протянул руку. – Ну что, пробьемся сквозь толпу и поищем еды?

– Как думаете, тут есть икра? – со смешком сказала она. – Теперь, попробовав шампанское, я просто обязана попробовать икру.

– Если нет, я попрошу принести.

Шона поняла, что он не шутил.

Икра была, а также копченый лосось, свежие анчоусы и фуа-гра, которое ей не понравилось, а еще супертонкие ломтики вяленой ветчины, нежные кусочки швейцарского сыра, крошечные меренги, бисквитные рулетики с малиной, миниатюрные лимонные тарталетки...

Деметриос рекомендовал все продегустировать, что Шона охотно и сделала. Она старалась не жадничать, хотя устоять перед таким разнообразием невиданных деликатесов было трудно, и он над ней потешался.

– Мы морим тебя голодом на яхте? – шутливо осведомился он.

– Вовсе нет, Шантель – прекрасный повар. Но таких дорогих вкусовостей я никогда ела!

– Я очень рад, что взял тебя с собой.

– Я тоже, – искренне сказала она.

Прием оказался гораздо веселее и не столь связан протоколом, как ей представлялось.

В роскошном бальном зале играла музыка, мелодия показалась Шоне знакомой. Это была песня «Ты великолепна» из фильма «Высшее общество».

– Обожаю эту тему, – сказала она.

– Тогда идем танцевать.

– Я что-то не решаюсь. А вы танцуете?

– Конечно, меня готовили к любой социальной ситуации, – усмехнулся он.

– Я немного умею.

– Тогда давай в круг.

Он схватил ее за руку, прижал к себе и в такт музыке плавно заскользил по танцполу, одной рукой обхватив ее за талию, а другой – держа за руку.

– Вы отлично танцуете! – сказала Шона.

– Ты тоже неплохо.

– Вы танцуете за нас двоих. Мне вообще не нужно что-то делать.

Теперь они были очень близко, он наклонился к ней, и, хотя был на полголовы выше, их щеки соприкасались. Сейчас он мог бы легко ее поцеловать, и на мгновение ей пришла дикая мысль: а что, если поцеловать его самой? Но прежде чем она успела поддаться искушению, кто-то хлопал ее по плечу. Она обернулась и чуть не ахнула от изумления, увидев княгиню Грейс с красивым молодым человеком, ее партнером по танцам.

– Вы шикарная пара и смотрите великолепно! – промурлыкала она. – Деметриос, где вы нашли эту очаровательную девушку?

Двигаясь в такт музыке, она подмигнула Шоне.

– Я всегда оговариваю, чтобы оркестр исполнил эту мелодию, но Ренье категорически отказывается танцевать со мной, потому что все еще обижается на Фрэнка Синатру.

Шона не могла понять, было ли это сказано всерьез. Она заметила, что партнер княгини был поражен не меньше.

– Не упустите эту юную леди, Деметриос, другой такой нет, – с улыбкой добавила княгиня Грейс и в вихре танца заскользила дальше, болтая со своим молодым партнером.

Деметриос повернулся к Шоне и озорно усмехнулся.

– А знаешь, она права: мы хорошо смотримся вместе.

– Вот теперь вы точно надо мной подшучиваете.

Улыбка Деметриоса померкла.

– Когда это действительно важно, я никогда не подшучиваю.

Шона не знала, что на это сказать, и мгновение они стояли друг напротив друга, а все остальное отошло на задний план. Взгляд у него был такой пристальный, что, казалось, он смотрит вглубь нее, и она снова почувствовала желание протянуть руку и привлечь его к себе. Но прежде чем порыв взял верх, оркестр смолк, и они снова вернулись в реальность. Деметриос аккуратно взял бокалы с шампанским с башни, вручил один ей и свой поднял в тосте.

– За ночь сюрпризов, Красавица.

Она тоже подняла бокал и откуда-то поняла, что магия рассеялась и чудо исчезло. Они направились обратно в главный зал. По пути Деметриос неоднократно останавливался, как правило, чтобы переброситься парой слов с пожилыми парами, знавшими его родителей, или с деловыми партнерами компании. Никто из них не обращал особого внимания на Шону, точно она была всего-навсего аксессуаром. Это ее не смущало, потому что разговор неизменно заходил о людях, ей незнакомых, и сказать ей было нечего. Она много улыбалась, еще больше кивала, и хотя мало что могла добавить к общей беседе, но чувствовала себя вполне комфортно, проникаясь атмосферой, наблюдая за другими дамами и мысленно оценивая их наряды. Здесь было такое поле для наблюдений, что ей совсем не было скучно, но Деметриос, судя по виду, порядком устал от расспросов о самочувствии родителей, делах компании и о том, что он думает насчет недавних поглощений и слияний в судостроительной отрасли.

Их только что представили высокому светловолосому англичанину по имени Ричард. Оба с вежливым интересом слушали его очень подробное повествование о студии звукозаписи, которую тот обустроил в своем поместье в Котсуолде, и тут Шона заметила, как выражение лица Деметриоса внезапно изменилось. Она проследила за его взглядом. Он смотрел на поразительно красивую женщину, одетую в белое платье с невероятно глубоким декольте, оставившим мало пространства для воображения. Женщина встретилась глазами с Деметриосом, а затем метнула напряженный взгляд в Шону. В глазах у нее мелькнуло раздражение, но она быстро взяла себя в руки.

Деметриос дотронулся до спины Шоны.

– Шона, Ричард, извините, я на минутку.

Он подошел к женщине и поцеловал ее в обе щеки. Та, снова зыркнув на Шону, подавалась вперед и что-то прошептала ему на ухо. Деметриос тоже что-то прошептал, но женщину, судя по виду, его ответ не удовлетворил. Ричард продолжал болтать, не обращая внимания на отсутствие у Шоны интереса к клубу, который он собирался купить в Лондоне, а тем временем Деметриос и женщина отошли от небольшой компании, с которой она стояла, и их беседа стала оживленнее. Женщина снова посмотрела на Шону, теперь уже с нескрываемой враждебностью, и через мгновение Деметриос вернулся к ним вместе с ней.

– Ричард, Шона, это София Константис, близкий друг нашей семьи.

Шона сразу вспомнила, где слышала это имя. Нормандия обвиняла Деметриоса в том, что он спал с ней. Она улыбнулась и протянула руку.

– Здравствуйте, София. Приятно познакомиться.

Глаза женщины сузились. Она демонстративно не стала подавать руки и не попыталась улыбнуться в ответ. Вместо этого она повернулась к Деметриосу и спросила:

– Где ты ее взял? Она выглядит и говорит как ирландская крестьянка.

На секунду Шона опешила. Почему эта женщина нападает на нее? Ричард, явно смущенный вспышкой, вежливо кашлянул, извинился и отошел. Шона подумала было сделать то же самое, но потом услышала голос отца, который говорил: *«Никогда никому не позволяй себя унижать, Шона О’Брайен. Всегда держи голову высоко».*

Шона сама не поняла, откуда взялись эти слова. Они сказались как бы сами собой:

– О, я думаю, вы меня с кем-то спутали. О’Брайены ведут свой род от ирландских королей – но вы, не будучи особой королевской крови, едва ли в курсе этого.

Деметриос фыркнул и тотчас изобразил, что закашлялся. Его глаза озорно блеснули, и Шона поняла, что он отчаянно старается подавить смех.

– Да, – сказал он, беря себя в руки и поворачиваясь к Софии. – Шона отлично справляется с ролью представительницы своей страны.

Он бросил извиняющийся взгляд на Шону и, взяв Софию за локоть, отвел ее в сторону.

– Пойдем, София, я думаю, князь Альбер хочет узнать подробности о твоей недавней поездке в Нью-Йорк...

Они направились в другой угол зала, где сын Ренье и Грейс болтал с гостями. По пути София обернулась в последний раз и пригвоздила Шону убийственным взглядом.

Шона чувствовала себя птицей, на которую нацелилась разъяренная кошка, и не могла понять, чем была вызвана подобная агрессия. Она пыталась отделаться от неприятного переживания и снова сосредоточиться на великолепном окружении, но ее перышки были потрепаны. Значит, вот оно как – жить в мире Деметриоса? Бесконечно кружиться в вихре вечеринок, отгоняя полчища капризных и взбалмошных женщин? Неудивительно, что ему хотелось отдохнуть от всего этого.

Да, его репутация плейбоя была оправданна, по крайней мере отчасти. Но вместе с тем она узнала его и с другой стороны, как человека трудолюбивого и серьезного, изо всех сил старающегося оправдать ожидания своей семьи. Кто же из этих двоих был настоящим Деметриосом?

Шона вздохнула и допила бокал с шампанским. Секундой позже перед ней возник официант в белоснежном пиджаке и галстук-бабочке, чтобы наполнить его снова. По примеру других гостей она прикрыла бокал рукой, показывая, что больше не хочет.

Ей было не дано узнать настоящего Деметриоса. За последний час ей пришлось в голову, что причина, в силу которой лишь немногие из его знакомых обращали на нее внимание, заключалась в том, что они каждый раз видели его под руку с новой сопровождающей. Осознание этого позволило ей взглянуть на ситуацию здраво. Она была неопытной и в какой-то мере простодушной, но не глупой. Этим вечером Деметриос наслаждался игрой в Пигмалиона, взяв ее на роль Элизы Дулиттл, но как только придет очередная компания богатых приятелей, он потеряет к ней интерес. Для него она была лишь коротким развлечением, не более.

Завтра они уезжают из Монако и отправляются в путешествие. Через несколько недель она улетит назад в Англию и вернется к учебе. Воспоминания о сегодняшнем вечере поблекнут и будут казаться далеким сном, о котором потом можно будет рассказывать внукам: у нее был вечер с красивым плейбоем и сказочной княгиней.

Вскоре они покинули дворец. В машине Деметриос был молчалив, но на подъезде к гавани попросил водителя высадить их, чтобы остаток пути пройти пешком.

Когда они шли вдоль пирса, он сказал:

– Я хотел бы извиниться за грубость Софии, этому нет оправдания.

Это прозвучало так, словно извиняться за грубость Софии было ему привычно.

– Кто она такая?

– Близкий друг семьи. Ее отец – наш основной конкурент по бизнесу, так что отцу он одновременно и друг, и соперник. Держи друзей близко, а врагов еще ближе, так ведь говорят?

– Звучит серьезно.

– И да, и нет. София... Ну, скажем так, она олицетворяет собой и друга, и врага. Она, наверное, в равной мере любит и ненавидит меня. Родители хотели бы, чтобы я женился на ней и положил конец этой ее неопределенности.

Шона почувствовала, как по телу пробежала дрожь.

– И вы поступите так, как хотят родители?

– Когда я женюсь, это будет по любви. И довольно обо мне. Лучше скажи, этот вечер оправдал твои ожидания?

– О да, – она ослепительно улыбнулась. – Я встретила Грейс Келли, что может быть лучше?

– Я рад, что мы исполнили твою мечту.

Шона не могла отделаться от мысли, что должно произойти кое-что еще, благодаря чему эта ночь станет неповторимой.

Он посмотрел на часы.

– А знаешь, уже полночь.

– Прямо как в сказке про Золушку – не хватает только хрустальной туфельки.

– А как же поцелуй принца?

– Это из разряда фантастики. Никакого панибратства, разве вы забыли? – рассмеялась она.

Он тоже рассмеялся, но взял ее за руку.

– По-моему, ты очень хорошо сыграла свою роль, Красавица. Я был впечатлен.

Когда он коснулся ее, Шона почувствовала, как по спине побежали мурашки, и не отняла руку. *«Наверное, это шампанское ударило в голову»*, – сказала она себе.

– Мне все-все очень понравилось. Кроме Софии, все были просто очаровательны. Как замечательно на один вечер побыть кем-то другим.

– Она ревнует.

– С чего бы ей ревновать ко мне?

– Ты в самом деле не понимаешь? Она злится, потому что ты со мной. И она знает, что я бы никого не взял с собой во дворец Гримальди. Ты особенная, Шона. Я думал, сегодня просто был...

Он замолчал и сделал шаг ближе. На этот раз она тоже придвинулась к нему и снова заглянула в его ореховые глаза с золотыми крапинками.

– Возможно, нам стоит добавить последний штрих к сегодняшнему вечеру, – прошептал он, словно давая ей шанс сказать «нет», но она как зачарованная смотрела в его глаза, которые, казалось, вбирали ее целиком.

– А что, пожалуй, – выдохнула она, гордясь своей неожиданной смелостью.

Он медленно обнял ее за талию и потянулся ближе, ни на мгновение не отводя взгляд.

Когда он приблизил губы к ее губам, ей подумалось, что он должен слышать, как бешено бьется ее сердце. Нежное прикосновение удивило и восхитило ее. Губы у него были мягкими, как атлас, и пробудили в ней восхитительный трепет, который взрывной волной отозвался во всем теле.

Его рука скользнула вверх по ее спине, прижимая к себе. Она чувствовала растущее волнение и поцеловала его в ответ. Пальцами она ощущала теплую кожу его шеи. Ночной воздух обволакивал их, донося ароматы моря и постукивание фалов на яхтах в гавани.

В конце концов он отстранился.

– Теперь в нашем вечере есть все. Завтра мы вернемся в реальность, но, по крайней мере, у нас обоих будет сказочный сон, который мы сохраним в сердце. В нем ты будешь моей Золушкой, а я...

Она коснулась его губ пальцами.

– Ни слова больше. И так все прекрасно. Спокойной ночи, Деметриос.

Шона сняла золотые босоножки, помчалась вверх по трапу и, ступив на борт, ощутила легкое покачивание. Это был волшебный вечер, проблеск иной жизни, но теперь она возвращалась в реальность, и посадка была мягкой, а не ударной. За это она была очень благодарна.

На яхте было тихо. Никто не видел, как она, сжимая золотые босоножки и поднимая юбку, спускалась по лестнице, молясь, чтобы никто не попался навстречу. Потом, сняв красивое шелковое платье, она с мечтательной улыбкой легла на койку, мысленно спрашивая себя, а так ли чувствовала себя Золушка после бала.

Глава восьмая

Когда яхта наконец отошла от причала, окруженная маневренными лоцманскими катерами, жужжащими подобно маленьким водяным мухам, Шоне казалось, что они отправляются в большое приключение. Она стояла на правом борту, готовая вытащить назначенный ей крапец, и волнение пульсировало в венах в унисон с гулким стуком двигателей. Она по совместительству выполняла судовые обязанности и, облаченная в элегантную униформу, ощущала собственную значимость под взглядами зевак, собравшихся поглазеть на отплытие «Святой Елены».

Как только катера доставили яхту на внешний рейд и отправились обратно в гавань, команда разошлась по своим делам. Деметриос нигде не наблюдался, и Шона не могла решить, хорошо это или плохо. Минувшим вечером во дворце Гримальди было божественно, это было волшебное окошко в другой мир, который, возможно, она никогда больше не увидит, но это укрепило ее решимость однажды стать кем-то.

Работа была тяжелой, но, несмотря на это, Шона чувствовала, что ритм жизни в море ей нравится. Когда яхта находилась в движении, ощущения были совершенно иные, чем во время стоянки в порту. Казалось, судно обрело свободу и само прокладывало путь по Средиземному морю. А море вело себя с непостоянством хамелеона. То устанавливалась безветренная погода и наступал штиль, в другие дни налетал ветер и поднимал небольшие волны. Это было так не похоже на паромную переправу по беспокойному Ирландскому морю. Здешние волны завораживали своим гипнотизмом, а небо всегда оставалось лазурным и безоблачным.

Их путь пролегал через Корсику, где они сделали остановку на одну ночь. Даже за столь короткое время она успела влюбиться в оживленный городок Бонифачо. Деметриос отправился на ужин с деловыми партнерами, дав экипажу несколько часов отдохнуть и развлечься. В гавани кипела жизнь, и товарищи по команде стремились попробовать все, что тут было, а Шона решила совершить долгий подъем на холм и осмотреть крепость тринадцатого века. Сказав, что подойдет позже, она отправилась в путь, наслаждаясь уединением и восхищаясь красивейшим видом на гавань.

Когда она присоединилась к товарищам в баре, где те пили пиво и дешевое вино, у нее возникло ощущение, что она здесь случайно. Ей нравились эти люди, но одной из них она не была, пусть даже Деметриос воспринимал ее в этом качестве. Казалось, она придумала себе вечер во дворце с Деметриосом и их сказочный поцелуй, но потом вспоминала, как он смотрел на нее, и чувствовала прилив удовольствия. Она задавалась вопросом, чем он сейчас занят. С той ночи он явно избегал ее. Он больше не расхаживал по палубе, не обозначал свое присутствие, не обменивался подколками с экипажем и не принимал участия в повседневной жизни «Святой Елены». Утром он первым делом уходил на мостик и оставался там, а вечером ужинал с капитаном и старшими офицерами. Должно быть, он сожалел о том вечере, проведенном вместе. Вот что случается, когда такие девушки, как она, общаются с мужчинами типа Деметриоса, говорила она себе. У богатых людей нет чувств.

На следующий день Шона видела Деметриоса еще реже. Джереми объяснил, что планы изменились и по пути на Итос они не будут останавливаться ни на Мальте, ни на Крите, как планировалось изначально.

– Деметриос решил, что хочет вернуться на Итос. – Джереми провел рукой по волосам. – Все перевернулось с ног на голову. Забавно, потому что это совсем на него не похоже.

– В смысле? – спросила она.

– Не пойми меня превратно, Деметриос требователен и хочет, чтобы все было по-его, но обычно он не капризен. Не настолько. Изменить план в последнюю минуту – это вообще на

него не похоже. И вдобавок ко всему он сказал, что в этом плавании будет исполнять функции старшего помощника капитана.

Это объясняло, почему Деметриос появлялся только на мостике, взаимодействуя с капитаном. Он выглядел настолько поглощенным своими обязанностями, что Шона обратила на это внимание Шантель, когда помогала готовить обед для команды.

– Ну, он из семьи мореплавателей. Да, они занимаются торговлей, но исторически они – корабелы, и отец хочет, чтобы Деметриос знал судно вдоль и поперек. Разве можно решать управленческие проблемы судоходной компании, не имея понятия о том, как управлять судном?

– А почему он вдруг так торопится вернуться на Итос?

– Вероятно, это связано с бизнесом. Семья проживает то в Афинах, то на Итосе. Тебе понравится там – место очень красивое, нетронутое.

– Это я уже слышала.

Шона сделала паузу, размышляя, как перейти к следующей теме. В конце концов она решила не мудрить и сказала без обиняков:

– Расскажите мне о Софии Константис.

– О, так ты имела удовольствие познакомиться с тигрицей?

– Она была на вечеринке у Гримальди. Не могу сказать, что она вела себя очень дружелюбно.

Шантель рассмеялась.

– Дождешься от нее, как же. Отец Софии полон решимости поженить их с Деметриосом и соединить под одной крышей две корабельные династии Греции. Чего хочет отец, того же хочет София. Деметриос – завидный улов!

– А чего хочет Деметриос?

– Чего он хочет, никто не знает, даже сам Деметриос!

Шантель перевернула маринованную курицу над открытыми углями – она восхитительно пахла, и у Шоны заурчало в животе.

– Он успешно отбивается от назойливых приятельниц, но София другая – с ней так, как он хочет, не получится. И маменька Теодосис тоже плетет закулисные интриги. Никогда не стой на пути у матери-гречанки!

– Постараюсь, – ответила Шона.

– Папа Теодосис – босс на бумаге, а штаны в семье носит Элана. Она всегда добивается того, что хочет.

Шона молчала, размышляя о силах, давящих на Деметриоса, и задавалась вопросом, как должен чувствовать себя молодой человек, у которого есть мечта, но нет свободы, чтобы ее осуществить.

Шантель, казалось, прочитала ее мысли.

– Деметриос не всегда так усердно занимался семейным бизнесом. – Она искоса взглянула на Шону. – Я слышала, ты помогаешь ему.

Шона пожала плечами.

– Так говорят? – Мысль о том, что члены экипажа сплетничают о ней, была неприятна. – Так, по мелочи... Иногда приятно размять мозги.

– Никто ничего не думает. Ты слишком... Не обижайся, но ты невинная, славная девочка, а мы все знаем, что Деметриос предпочитает знойных, темпераментных красоток типа Нормандии. Во всяком случае, Деметриос знает, чего хочет, и не позволит на себя давить, но он также знает, что семья хочет лучшего для бизнеса. В нестабильном мире сила в численном превосходстве.

Шона закусила губу.

– Эй, – сказала Шантель, – почему такое хмурое лицо? Ты ведь не думала о Деметриосе в романтическом плане, нет?

– Конечно, нет, – сказала Шона. – Что за нелепость!

Шантель ласково посмотрела на нее.

– Слушай, дорогая, в этом случае ты была бы не первой из тех, кто очаровался Деметриосом. Он умеет внушить чувство, что ты особенная. Но это верный путь к разбитому сердцу, клянусь тебе.

– У вас совершенно неверное представление.

Схватив тарелку с греческим салатом и куриными шашлычками, Шона отправилась на палубу и с задумчивым видом принялась за еду.

Вверху, сквозь дымчатое стекло мостика, она видела Деметриоса и капитана Элиаса, склонившихся над картами.

Он на мгновение поднял взгляд, и Шоне показалось, что он видит ее и сейчас помашет рукой, но вместо этого он отвернулся. У нее упало сердце. Шантель была права: глупо было думать, будто тот поцелуй что-то значил для него.

На следующее утро Джереми перехватил ее, когда она наводила порядок в белье в шкафу.

– Шона, ты понесешь это в каюту Деметриоса? Заодно захвати телекс, он сказал принести его, как только придет, это срочно. Еще он просил кофе, так что сделай доброе дело.

Меньше всего Шоне хотелось видеть Деметриоса – она убедилась в том, что он, весело проводя время в ее компании, больше не хочет иметь с ней дела. Тем не менее на подступах к его каюте в животе у нее затрепетали «бабочки».

Она постучала, но ответа не последовало. Решив, что он, вероятно, в душе, она оставила телекс на столе вместе с кофейным подносом и уже собиралась уйти, но тут дверь ванной открылась и появился Деметриос. Его бедра были обернуты полотенцем, другим он вытирал волосы.

– Это что, долгожданный телекс? Кофе тоже кстати. Налей мне? Я слегка припозднился.

Он бросил полотенце и расположился на диване, совершенно не придавая значения тому, что сидит с голой грудью. Шона опустила глаза, с сосредоточенным видом налила чашку и подала ему.

– Присядь, не маячь. Так ты получаешь незаслуженное преимущество.

– Вы не одеты.

– Не будь ханжой. Тебе что, никогда не случалось видеть мужскую грудь?

Его голос звучал раздраженно и сердито.

– Может, мне лучше уйти? Уверена, у нас обоих много работы.

– Ты, Красавица, всегда такая спокойная и собранная? – ледяным тоном поинтересовался он, глядя на нее с обидой и высокомерием.

Озадаченная его раздраженным тоном, Шона замерла. Пусть она наивная, простодушная и из скромной семьи, но за что такое неуважение? Она вскинула подбородок.

– Я наемный работник и, как вам отлично известно, не могу дать отпор, но скажу напрямик – вы ведете себя грубо. Если я больше не нужна, я уйду.

Она повернулась на каблуках и пошла к двери. Сердце, взволнованное неожиданным конфликтом, забилось быстрее.

– Стой! Подожди!

Он вскочил с дивана и перехватил ее у самой двери, мешая выйти.

Она посмотрела на него с вызовом, давая понять, что не боится.

Он улыбнулся, взгляд ореховых глаз потеплел и исполнился сожаления, лицо смягчилось.

– Я должен извиниться. Прости. Ты совершенно права, наверное, я встал не с той ноги. Шона, все еще исполненная решимости покинуть каюту, натянуто кивнула.

– Ну, пожалуйста, Шона, посиди со мной.

Она почувствовала, что готова смягчиться.

– Я бы предпочла, чтобы вы сначала оделись.

Настала его очередь поднять брови. Но, увидев, как ее губы неумолимо сжались, он рас- смеялся.

– Как пожелаете, мисс Чопорные Манеры. Стандарты необходимы.

Все в ней вознегодовало от такого определения. Получалось, что она благоразумная, нуд- ная, педантичная – именно такая, какую хотела видеть в ней мать, тогда как сама она хотела быть кем угодно, только не этим. Теперь больше, чем когда-либо, ей хотелось быть одной из тех необузданных и прекрасных женщин, которые так нравились ему, которые носили «Шанель», по утрам пили «Боллинджер» и занимались сексом.

Он вернулся в бледно-зеленой льняной рубашке и хлопковых шортах темно-синего цвета и, скривив рот в едва сдерживаемом веселье, поинтересовался:

– Так лучше? Хочешь что-нибудь съесть? Там много всего.

– Я завтракала с экипажем. В половине седьмого.

– Тушэ. – Он отсалютовал чашкой с кофе. – А что бы ты сказала, узнав, что я плохо спал?

– Прискорбно слышать. – Она сделала паузу. – Я всегда сплю исключительно хорошо.

– Да ну? – Он внимательно посмотрел на нее. – Неужели ничто не в силах лишить тебя сна по ночам?

Шона почувствовала, что он тянет ее в сторону опасного для жизни поля высокого напря- жения.

– У вас точно есть все, что нужно?

– Так может казаться. Но иногда даже тот, кто вроде бы имеет все, не имеет того един- ственного, в чем действительно нуждается.

– И чего же не хватает вам?

Он помедлил, словно собираясь открыть какую-то тайну, но потом передумал и потя- нулся за сообщением. Прочитав его, он вздохнул.

– Последние дни я был очень занят – целиком сосредоточился на делах отца и не мог тратить время на то, чтобы узнать тебя ближе. А теперь мне снова нужна твоя помощь, Шона. Уделишь мне немного времени?

Говоря это, он казался таким искренним, что она не могла отказать.

– Хорошо, объявляем перемирие. И в чем нужна моя помощь? Опять с бухгалтерией?

– На этот раз нет. Отец хочет, чтобы я как можно скорее вернулся домой на Итос, по семейным обстоятельствам. – Он указал на телекс. – Он думает, я развлекаюсь и транжирю время попусту. – Он печально улыбнулся. – Может быть, он прав, но ему придется еще немного подождать. И ты сможешь мне оправдаться. Я скажу, что разрабатываю новые судоходные маршруты, но тогда мне потребуется представить ему доказательства. Ты сможешь мне раз- метить маршруты на этих картах, – он указал на стопку бумаг.

– Я ничего не понимаю в судоходстве и картах.

– Мы сделаем это вместе. Все, что тебе нужно, – это линейка и твердая рука. А пока мы этим занимаемся, я докажу тебе, что могу быть джентльменом, ты расскажешь мне о себе, а я – о себе. Так мы снова станем друзьями, только давай расположимся на палубе.

В то утро, когда они трудились над картами, Шона узнала, что он учился в Гарварде, год прожил в Лондоне и много раз бывал в Нью-Йорке. Он узнал, что ей нравится жить в Ман- честере, что она выросла на побережье и в недавней постановке студенческого театра играла леди Макдуф, а хотела быть леди Макбет.

– Ты должна быть напористее, – сказал он. – Страсть нужно показать, а ты этого не делаешь. Ты хочешь всем нравиться. Скромная, застенчивая Шона. Пай-девочка.

Это было сказано по-доброму, и она не обиделась.

– Меня всегда учили не выпячиваться, но, если нужно, уметь за себя постоять. Это трудно, – вздохнула она.

– Не сказать, чтобы со мной тебе это было трудно.

– Вы – другое дело.

– В смысле?

– Не знаю.

Шона пристально посмотрела на него, пытаясь понять, почему Деметриос не внушал ей страха, и, сжав губы, с явным усилием продолжила:

– Думаю, в тот первый раз, когда мы только встретились... я что-то разглядела. Ваши надежды и мечты. Вы были открыты со мной, и я была открыта с вами... Я воспринимаю вас как того человека, а не как принца-плейбоя, которым вы притворяетесь.

Его глаза расширились.

– Шона, как тебе удалось заглянуть внутрь моей души? Может быть, ты ирландская ведьма?

– В Ирландии ведьм называют Калех, и они способны причинить много зла.

Она шутливо усмехнулась.

– В греческой мифологии есть богиня магии и колдовства Геката, которая может быть как доброй, так и злой. Ваша Калех такая же? Может, ты призовешь ее, чтобы она сотворила заклинание, которое спасет меня от приказов отца и вспышек гнева матери?

– О боже, неужели все так плохо?

Шона невольно рассмеялась.

– Порой я готов отдать все, лишь бы быть простым рыбаком, ставить сети, пить пиво с друзьями на Итосе... любить, – он внимательно посмотрел на нее, – и иметь семью, как у других.

Шона смотрела на ослепительное море, в котором солнечный свет отражался от сапфировой синевы воды.

– Вам бы не хватало этой гламурной жизни.

– Нашлись бы другие радости.

Когда он говорил так, сердце Шоны сжималось в груди. Чем больше она узнавала его, тем сильнее чувствовала, что попадает под его обаяние, хотя знала, что делать этого не следует.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.